

КРОКОДИЛ

№32 • НОЯБРЬ 1972

— Сегодня я на работу не выйду: у меня сильный насморк и вообще что-то нездоровится...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Ю. СПИРИДОНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ТЫСЯЧА, МИЛЛИОН, МИЛЛИАРД

По нашим советским масштабам территория Карагандинской области довольно средняя. Правда, она значительно больше Великобритании, но все-таки меньше, чем, скажем, Франция. И если из этой самой территории скроить полоску, чтобы протянуть ее от Земли до Луны, полоска окажется шириной всего-навсего в километр. А что касается района, о котором пойдет речь, он совсем миниатюрный. Представьте, что вдоль железной дороги Москва — Ленинград колосится сплошное хлебное поле шириной в пять километров,— вот это и есть вся его посевная площадь.

— Какие совхозы лучшие? — переспросил первый секретарь Нуринского райкома партии Николай Ефимович Задорожный.— Из тринадцати зерновых хозяйств двенадцать сдали больше чем по миллиону пудов хлеба каждое. В любом из них свои герои жатвы.

...«Газик» мчался по землям так называемой зоны рискованного земледелия. Степная дорога была отутюжена колесами тысяч машин, вывозивших с полей 65 миллионов пудов зерна юбилейного года.

Такого урожая Караганда еще не знала. Но, наверное, так тщательно его никогда и не готовили. Как раз в этом году, к примеру, на миллионе гектаров (опять миллион, но что поделаешь!) сев вели стерневыми сеялками, на семистах тысячах гектаров провели химическую прополку, сроки сева и жатвы сжали до предела. И зона рискованного земледелия подарила людям небывалый урожай.

— Где найти Боднера? — поинтересовался я у директора совхоза «Индустриальный» Николая Анатольевича Полеводина.

— А он здесь неподалеку зябь пашет.

И точно: в каких-то тридцати километрах от поселка мы отыскали трактор, за рулем которого сидел плотный и вроде бы очень неторопливый мужчина. Саша Боднер приехал сюда семнадцатилетним пареньком из села Балин, Хмельницкой области, где окончил училище механизации сельского хозяйства. Сложной и страшноватой казалась ему тогда профессия механизатора. Было это в 1957 году. Сейчас член бюро райкома партии Александр Ефимович Боднер может с закрытыми глазами разобрать и собрать любой узел любого трактора и комбайна. Кстати, именно это он однажды и продемонстрировал слушателям курсов молодых трактористов.

А работал он так: каждые сутки на его комбайне рисовали очередную красную звездочку. Это означало, что скошено 100 очередных гектаров (еще одно совпадение: это как раз миллион квадратных метров). Да как скошено! Ни одного оставленного колоса... Нет, асы сидят не только за самолетными штурвалами...

Между прочим, на следующий день, когда я был у секретаря партбюро совхоза И. М. Тарасова, к нему зашел Боднер.

— Взносы заплатить надо. Посчитай-ка, сколько получится с семисот пятнадцати...

Тарасов посчитал, принял взнос и продолжил разговор:

— На время уборки заведующими всеми токами были назначены коммунисты, бригадирами комбайновых бригад — коммунисты... Ну, и результат налицо.

Да, результат в виде миллиона семисот тысяч пудов первоклассного зерна говорил сам за себя.

...И опять мчался наш «газик» по зоне рискованного земледелия, по дорогам, еще хранившим запах зерна. И постоянно встречались нам люди самой знатной здесь профессии — механизаторы.

Рахметулла Ордабаев допускает, что в работе актера, монтажника, юриста, ихтиолога тоже есть нечто интересное, но механизатор — это... Он прищелкивает пальцами, и уже не остается никаких сомнений в том, что нет на нашей планете профессии более интересной.

Сейчас Рахметулле сорок. Двадцать три года работает механизатором; правда, четыре из них он отдал службе в армии. За все время не было случая, чтобы выполнил меньше двух норм. Девятый сезон отработал на одном и том же комбайне. А к слову, максимально предусмотренный срок службы этого комбайна — всего восемь лет. Ордабаева это не волнует. Комбайн уже полностью подготовлен к будущему, десятому сезону.

— В одном звене со мной,— говорит Рахметулла,— хлеб убирал немец Александр Гольцварт, узбеки Исак Зиятов, Ишбулат Рустамов, рядом работал русский Анатолий Мымров. Интернационал получается!

Карагандинский каравай стал действительно интернациональным. «Испечь» его помогали механизаторы Саратова и Грозного, Ставрополья и Татарии, Узбекистана, Молдавии, Запорожья. Конечно, степная речка Нура — это вам не Дунай. Но запорожцы и за Нурой показали свою богатырскую хватку... В страдные дни на комбайнерах можно было видеть и узбекские тюбетейки, и кавказские папахи, и казахские малахаи. А как изощрялись повара, готовя то плов, то бешбармак, то лагман, то шашлыки, то еще какие-то блюда, описать вкус которых обыкновенной авторучкой просто немыслимо. И на скольких языках ласково звучало короткое и такое емкое слово «хлеб»!..

Вот скромный, даже застенчивый Александр Герт. 23 года работает механизатором. Партгрупорг бригады. Убрав хлеб в своем совхозе, поехал помогать соседям. Ни дня отдыха за всю уборку. Скосил около семисот гектаров на свал и на четырехстах пятидесяти подобрал валки.

Восемнадцать лет назад приехал на целину и проложил здесь первую борозду Николай Трушов. Теперь он токарь, слесарь, сварщик, тракторист, комбайнер. И каждый год — полторы, две, три нормы.

Кавалер ордена Ленина, коммунист Александр Денк — шофер карагандинского автокомбината № 2. Сам сконструировал автопоезд с двумя трехосными саморазгружающимися прицепами по 10 тонн каждый. Взял обязательство перевезти две тысячи тонн зерна — перевез четыре тысячи. Прикиньте, сколько машин заменил его автопоезд.

Юлдаш Аликулов, комбайнер совхоза «Москва», Нарпайского района, Самаркандской области, скосил дома четыреста га зерновых, приехал сюда, в Казахстан, а после жатвы поспешил в родной совхоз, чтобы успеть помочь еще и в уборке хлопка.

Петр Бреус, строитель из «Урожайного», в дни жатвы сел за штурвал комбайна.

Карл Буксбаум. Совхозный кассир. Тоже работал комбайнером...

— А можно было,— спрашиваю,— убрать хлеб еще быстрее?

— Можно,— говорит П. У. Беркун.— Почему, скажем, из года в год мы должны по-кустарному заниматься герметизацией комбайнов, хотя на заводе это можно сделать быстрее, дешевле и качественнее?

— Можно,— вторит ему Н. А. Полеводин.— Закрытая кабина на комбайне намного облегчает труд механизатора, защищает его от постоянной пыли, мельчайших частиц соломы, в ней свежий, прохладный воздух. Комбайнер в ней утомляется меньше, а значит, может работать дольше и лучше. Стоит кабина всего две сотни рублей, да только достать ее труднее, чем сказочную жар-птицу... Думаете, мелочь? Но из таких мелочей складывается вся битва за большой хлеб. Для нас это вопросы первейшей важности. Вы ведь слышали, наверно, как у нас говорят: миллиардный рубеж Казахстана — не предел!

...И опять мчит наш «газик» по землям зоны рискованного земледелия, по дорогам Карагандинской области, которая хотя и уступает по площади Франции, но все-таки намного, очень намного больше Соединенного королевства.

НЕофициальный отдел

ПОЛЕЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Читатель, наверное, уже заметил пристрастие Крокодила к автомобилю. Усесться за баранку, подвигать рычагами для него одно удовольствие.

«Любишь кататься — люби и саночки возить» — гласит пословица. А это означает, что тот, кто интересуется автомобилем, поневоле заинтересуется и дорогой. В результате появился специальный номер «Крокодил на автомобиле» (см. № 27).

Короче говоря, не удивительно, что, узнав про 1-ю всесоюзную конференцию по вопросам автомобилизации, Крокодил немедленно оформил командировочное удостоверение и отбыл в город Горький. Почему именно в Горький? Да потому, что не могла же конференция собраться, допустим, в городе Елабуге, где нет автомобильного завода.

В Горьком же автомобильный завод есть. Открывая конференцию, секретарь Горьковского обкома КПСС С. В. Ефимов прямо так и сказал:

— Горьковский автомобильный завод — крупнейший в стране. Если бы не он, вы не смогли бы усесться за руль ГАЗ-51, ГАЗ-63, не говоря уж о «Волге». Весь вопрос в том, чтобы лучше использовать автомобильный парк...

— Современный автомобиль — это хорошо,— сказал выступивший следом начальник Управления главного технолога Министерства автомобильной промышленности СССР И. В. Орлов.— Однако он должен быть еще лучше, например, меньше выпускать в атмосферу вредных газов, а может быть, и совсем обойтись без них.

Реплика из зала:

— Автомобиль без вредных газов не поедет.

И. В. Орлов:

— А вот и неправда. Поедет, если вместо бензина применить сжиженный газ. В недалеком будущем наши грузовые автомобили, автобусы, а затем и такси начнут переходить на сжиженный газ. Тогда любители подышать свежим воздухом будут приезжать на выходные дни из деревень в города. А если появится электромобиль...

— Для этого мы, журналисты, здесь и собрались,— сказал в своем выступлении председатель правления пресс-автоклуба Союза журналистов СССР И. И. Адабашев.— Долг журналистов — всячески пропагандировать в автомобилестроении все новое и прогрессивное.

— И критиковать тех, кто не хочет строить дороги,— добавил заместитель министра строительства и эксплуатации автомобильных дорог РСФСР Г. И. Бородин,— как сделал это Крокодил в своем специальном номере.

— А также бороться за безопасность движения,— дополнил начальник ГАИ МВД СССР В. В. Лукьянов.— Если мы убедим каждого, что надо быть осторожным на дороге,— дело будет сделано больше чем наполовину.

Остальные участники высказали еще целый ряд мудрых и полезных мыслей.

Крокодил же на конференции ничего не сказал, но подумал: «Из практики известно, что дело идет значительно быстрее, если за него берутся журналисты».

Подумав так, Крокодил взял шариковую ручку, пододвинул к себе письма читателей и уселся за очередной автомотовелодыпуск, который вы найдете на 8—9-й страницах.

Заки НУРИ

ПОБЕДИТЕЛЬ

— Ну, как экзамен!
— Хорошо, отец!
Но как устал
И как я измотался!
Учитель
Трижды молодцом держался,
В четвертый раз
Он сдался наконец!..

ШКОЛЬНИК-СИЛАЧ

— Да, я силач!
И всякий раз
Об этом мне твердят:
Подумать только —
Целый класс
Один тяну назад!

Перевод с татарского
А. ГОВОРОВА

Мкртич КОРЮН

РЫБАК РЫБАКА...

В кабинет почтенного туза
Просочился робкий посетитель.
— Чем обязан! — поднял зав глаза.
Тот со вздохом:
— Должность не дадите ль!
На челе начальственном вопрос:
— Должность! А в каком, простите,
плане!
— В выгодном,— проситель произнес.—
Хоть, увы, диплома нет в кармане,
Получить хотелось бы весьма
Работенку, чтоб ума не надо,
Чтоб она тихонько шла сама...
Ну, и в смысле веского оклада...

В заве чувство юмора воскресло:
— Ты не на мое ли метишь кресло!!

Перевод с армянского
Б. ГАЙКОВИЧА

Арнольд БОЯРСКИЙ

НОВЫЕ СЮЖЕТЫ

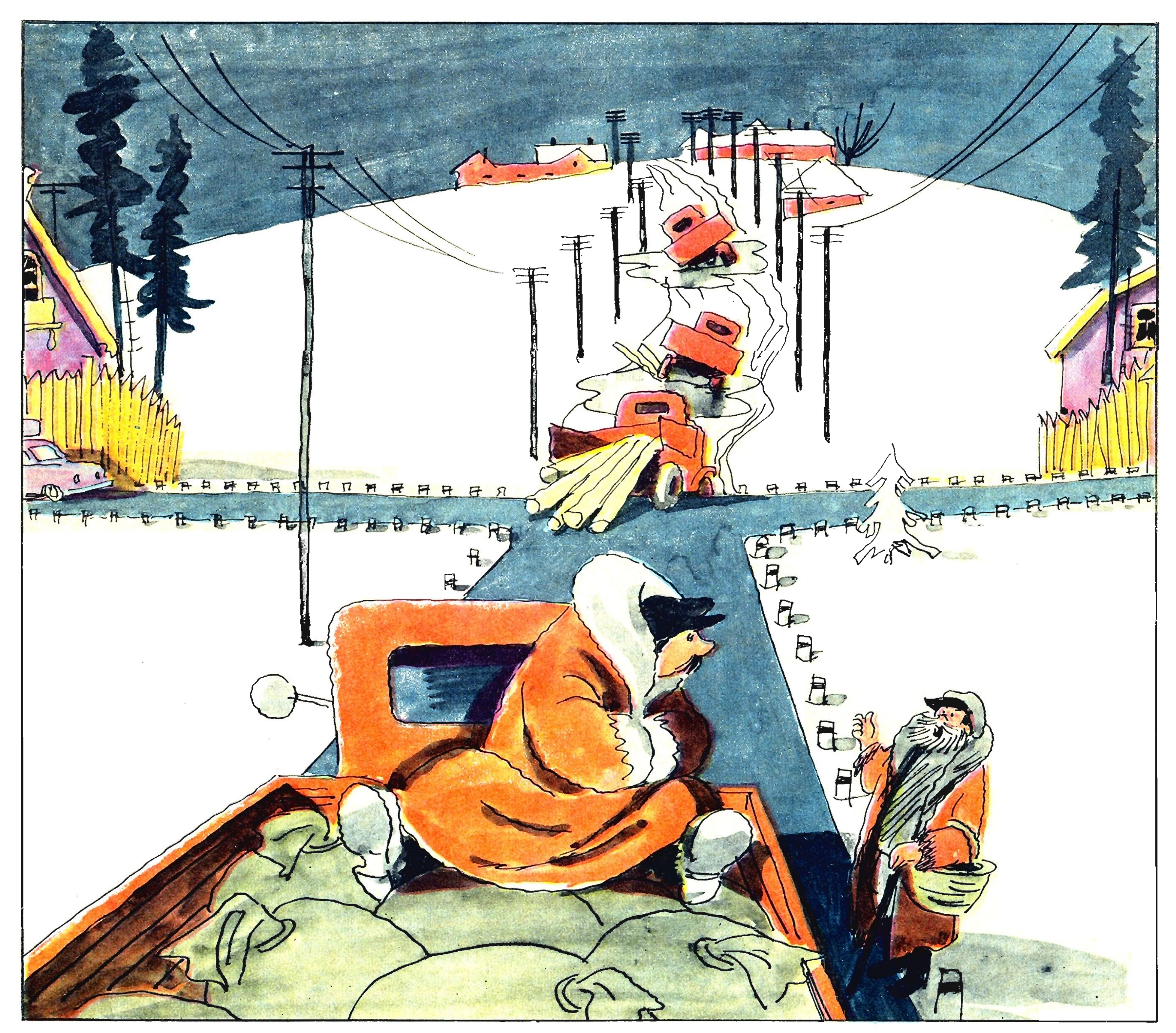
ДИССЕРТАЦИЯ

Ворона, каркнув, уронила тему.
Лиса-плутовка, появившись вдруг,
Ту тему чуть подправила по Брему
И мигом стала доктором наук.

ПЛАГИАТ

Участники крыловского квартета,
Прослушав как-то
модернистский джаз,
Воскликнули: «Не плагиат ли это!
Ведь музыка украдена у нас!»

г. Одесса

— Направо поедешь — дачу дорожно-строительного начальника найдешь, налево — дачу его заместителя... А прямо поедешь — до нашего села не доедешь...

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

МАМА ПОСТУПАЕТ В ИНСТИТУТ

Это был потенциальный кибернетик. Возможно, даже Норберт Винер. А может быть, и более того.

Он, потенциальный кибернетик, Валерий Д., был, например, призером многих физико-математических олимпиад школьников. В частности, последней олимпиады в Московском энергетическом институте. К тому же он успешно окончил школу с математическим уклоном и получил свидетельство программиста-вычислителя.

Когда школа оказалась позади, семья вплотную занялась вопросом: кем быть? Имелось в виду, кем быть Валерию.

Собственно, подняла вопрос мама. Валерий его давно решил: математиком. Но у мамы имелись серьезные возражения. Будущее математика рисовалось ей какой-то абстрактной геометрической фигурой.

— Нет! — решительно сказала мама.— Эта штука не для нас.

— Но я...

— И не для тебя! У тебя моя душевная конституция, а свою душу я успела изучить.

Воспитанный сын не стал спорить, но продолжал решать задачи с таким энтузиазмом, что мама, руководствуясь тонкими педагогическими соображениями, решила устроить ему свой собственный вступительный экзамен в вуз по математике. И завалить.

Мама пригласила домой знакомого кандидата физико-математических наук. Гость пил чай с овсяным печеньем и как бы случайно подбрасывал Валерию каверзные вопросики. Потом гость забыл о печенье. Потом перестал прихлебывать чай. Потом отер пот и, обращаясь к маме, беспомощно развел руками.

— Извините, никак! Ходячий справочник по высшей математике! Поверьте мне, он поступит в МГУ!

— Поверьте мне,— сказала мама,— что он не поступит в МГУ!

Мама была человеком слова. Кроме того, она не любила рисковать. Дело поступления в институт она взяла в свои бестрепетные руки. Сама отвезла документы сына в другой, ей пришедшийся по сердцу институт. Сама написала заявление. Только фотокарточки 3Х4 запечатлели не ее, а Валерия. Тем его участие и ограничилось.

И тут впервые потенциальный Норберт Винер проявил самостоятельность. И то не открыто, не вызывающе, а, так сказать, исподтишка.

Он втайне от родителей взял документы из «маминого» вуза и привез их в свой — в МГУ. На близкий уму и сердцу факультет «Вычислительная математика и кибернетика».

Опустим вступительные экзамены. Не будем подсчитывать, сколько претендентов, съехавшихся с разных меридианов и параллелей страны, не выдержало конкурса. Валерий выдержал — студент!

Настал час доложить эту радостную новость маме.

Мама уронила слезу и воздела к потолку руки.

— Вот на этих руках я носила его! Вот этими руками я его выходила! Сколько сил, здоровья и времени я ему отдала! А чем он платит мне за это, неблагодарный?! Вычислительной математикой?! Кибернетикой?!

Снять с неблагодарного штанишки и ремешком его, ремешком, понятно, было несколько поздновато. Поэтому мама предложила ему решить: либо вон из сердца, либо — из МГУ, из математики.

Ну кто ж уйдет из сердца мамы! Мама есть мама. Уж лучше уйти из МГУ, чем из маминого сердца. Вузов-то много, а родная мать одна.

Мама взяла ослушника за руку и повезла его в университет. Для публичного раскаяния.

— Мой сын отчисляется! — сообщила она корифеям математики.

— Мда-а...— протянули корифеи.— Жаль... Задачи ваш сын решил блестяще.

— При чем тут сын? Он еще ребенок! Главные задачи решаю я!

Когда мама и отринутый ее любящей рукой от математики сын вернулись домой, снова встал прежний вопрос: кем быть?

А Валерий по-прежнему не разделял маминых увлечений. А мама по-прежнему не хотела слышать о математике. Пришлось искать компромисс. Скрепя сердце она отказалась от любимого исторического факультета, поплакав, рассталась с мечтами об инязе. Энергетический институт — вот последний рубеж, который мама поклялась защищать до последнего вздоха. Туда и отнесла документы, написанные, сами понимаете, собственной рукой.

И одновременно—собственноручное заявление в Министерство высшего и среднего специального образования. На всякий случай. Для страховки. И не без доли самокритичности:

«Прошу в порядке исключения восстановить меня студентом 1-го курса факультета «Вычислительная математика и кибернетика» МГУ, ибо я забрал оттуда документы по настоянию родителей».

— Вот это случай! — заволновались в министерстве.— Что ж, если молодой человек в самом деле талантлив... В конце концов мы ведь не формалисты!

Но министерству не пришлось отступать от формы. Когда приказ уже понесли на машинку, в министерстве зазвонил телефон.

— Я передумала,— раздался женский голос.— Я не буду учиться в МГУ.

— Простите, а кто вы?

— Я — это мой сын! Студент энергетического института Валерий Д.

— А сын? Что он сам думает по этому поводу?

— При чем тут сын? Он еще ребенок!

Аппарат министерства ахнул и умолк.

А что тут скажешь? Ведь не упрекнешь же ее, что она плохая мать. Она вырастила скромного, умного и послушного сына.

Но мама как-то не учла, что спустя восемнадцать — двадцать лет после рождения сыновья имеют тенденцию становиться взрослыми. Ну, может, не совсем уж окончательно взрослыми, но и не прежними детьми. Что у них есть увлечения, которые стоит уважать, и интересы, к которым следует относиться со вниманием. И главное, путь родительского волюнтаризма далеко не всегда приводит детей к счастью. Ибо чуть раньше или чуть позже, но все равно настанет час, когда ребенок уже не ребенок.

Итак, Валерий все же учится в вузе. Но не в том, к которому было призвание и лежала душа, а в том, который ему разрешила мама...

Нет, этот фельетон не против мам! Права А. Барто, утверждающая, что мамы всякие нужны, мамы всякие важны. Прав и В. Гюго, который заметил: «Материнские руки — воплощение нежности; детям хорошо спится на этих руках». Но мама Валерия Д. не усвоила ту неопровержимую истину, что даже самой любящей рукой можно написать заявление, которое изрядно осложнит сыну жизнь.

К ВОПРОСУ О ВСТРЕЧНЫХ ПЕРЕВОЗКАХ

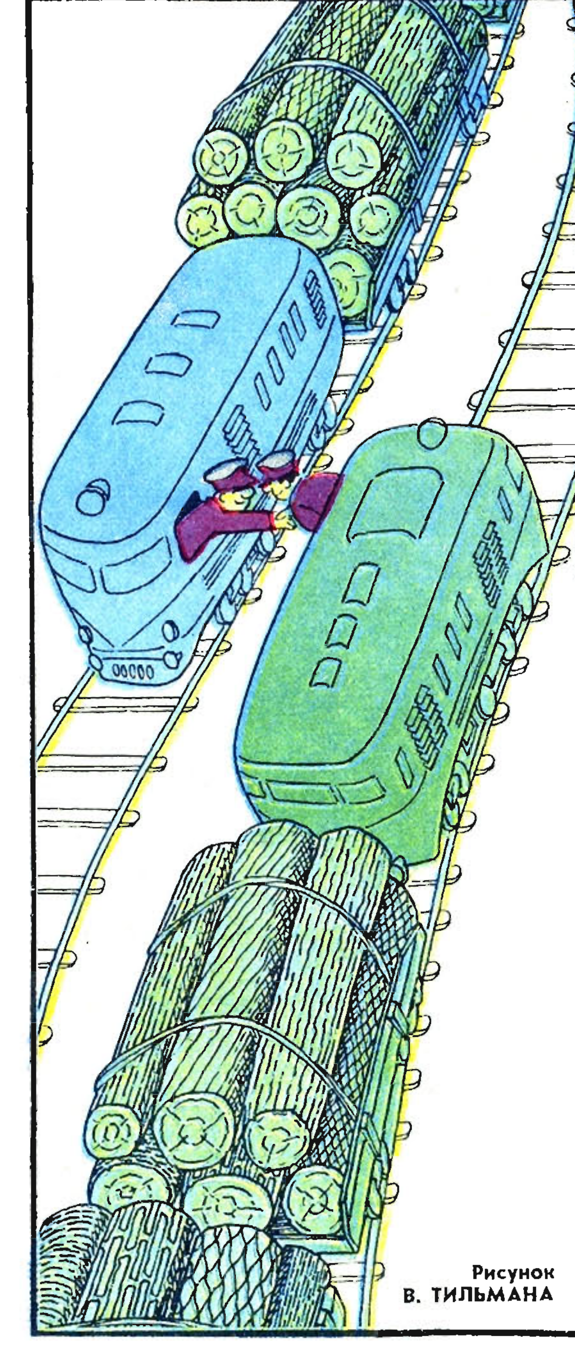

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

— Значит, договорились: даем задний ход!

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ПЕЧАЛЬНАЯ РЕЛИКВИЯ»

Так называлась заметка в № 21 «Крокодила». Речь в ней шла о том, что в городе Полоцке существует мост, которым нельзя пользоваться.

Заместитель министра коммунального хозяйства БССР тов. В. Смирнов сообщил редакции, что в план на 1973 год включено строительство нового моста через реку Полота.

«КОЛ ЗА СОЧИНЕНИЕ»

При печатании тем для школьных сочинений в типографии г. Кокчетава были допущены грубые ошибки. Инспектор же облоно тов. Л. Блеубаева, не проверив тираж, разослала его по школам.

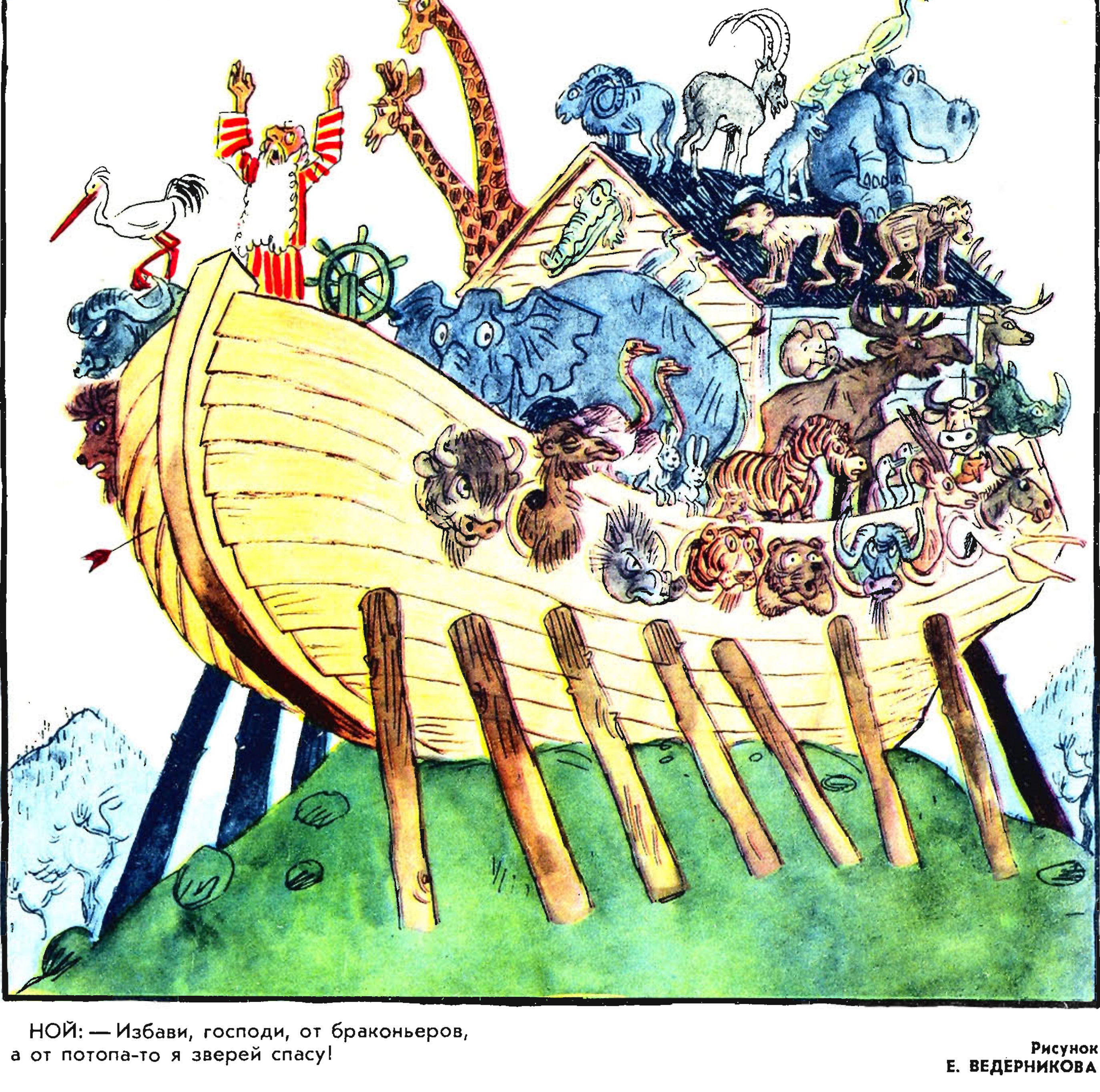
Об этом рассказывалось в заметке «Кол за сочинение» («Крокодил» № 24).

Заместитель заведующего облоно тов. Ш. Абильмаженов сообщил нам, что за безответственное отношение к своим обязанностям инспектор облоно тов. Л. Блеубаева строго наказана.

«ВОСЕМНАДЦАТЬ НЕИЗВЕСТНЫХ»

Восемнадцать пассажиров с билетами рейса № 709 в Москву остались в аэропорту Минеральные Воды, а вместо них в столицу улетели восемнадцать командированных из областных и городских организаций (см. заметку в № 24 «Крокодила»).

Как сообщил редакции начальник управления перевозок и коммерческой эксплуатации Министерства гражданской авиации СССР тов. Б. Панюков, этот факт действительно имел место. Проверка, произведенная министерством в аэропорту Минеральные Воды, выявила и другие недостатки в обслуживании пассажиров. Заместителю начальника службы перевозок тов. А. Багринцеву объявлен строгий выговор, а начальник службы перевозок тов. В. Шеремет строго предупрежден.

НОЙ: — Избави, господи, от браконьеров, а от потопа-то я зверей спасу!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Н. РЫНДИЧ, специальный корреспондент Крокодила

ФИРМЕННЫЕ КОЙКИ

Погрузка шла туго. Сначала уложили ноги. Затем взялись за туловище, но выпала правая рука. Разместили ее. Снова нажали на туловище — выскочила левая нога.

— Гр-рузить не умеете,— собрав все силы, выговорил Бабкин.— Уч-чить вас некому...

Обращался он к двум милиционерам, тщетно пытавшимся втиснуть вдребезги пьяного Бабкина в тесную люльку милицейского мотоцикла.

Бабкин был прав: учить было некому. Еще пару часов назад после первой бутылки «Солнцедара» Б. Бабкин, грузчик Глуховского хлопчатобумажного комбината, что в Московской области, сам мог преподать приемы обращения с тяжестями. Но теперь это исключалось. Потому что Бабкин добавлял. А не добавлять он не мог: этого требовала душа. А духовные потребности надо удовлетворять. Но они, как известно, растущие. Вот и получилось: душа все требовала и требовала, а организм не справился с нагрузкой. И вот уже мотоцикл с треском мчит Бабкина по улицам. Встречный ветерок приятно овевает лицо, понижает градусность.

А мотоцикл между тем набирает скорость. Синие киоски по обеим сторонам дороги и улыбающиеся лица знакомых бабкинских собутыльников сливаются в одну сплошную сине-красную полосу.

«Куда это они везут меня? — силится сориентироваться Бабкин.— Уж не на комбинат ли? Этого еще не хватало!» Беспокойство овладевает им. Участившийся пульс с такой силой отдает в металлическую стенку люльки, что один из милиционеров, на ходу ощупав двигатель, мрачно замечает:

— Кольца разболтались, спасу нет. Менять надо...

И вот уже трубы родного комбината грозно нависли над люлькой, но, сделав грациозный круг, неожиданно уплыли в сторону. Мотоцикл резко затормозил у ворот ногинского медвытрезвителя.

— Уф-ф! — облегченно вздохнул Бабкин и, слегка протрезвевший, направился к знакомым койкам.

Здесь он уже не первый раз и чувствует себя как дома. Привычным жестом опробовав подушку, Бабкин укладывается отдыхать. Душа его спокойна и безмятежна. Перспектива известна и ясна.

Конечно, строгий милицейский начальник уже сейчас строчит сообщение на комбинат о его очередном визите в вытрезвитель. И Бабкин, как наяву, уже видит стол под зеленым сукном, графин с водой, суровые лица руководителей профсоюзного комитета комбината и представителей администрации. Бабкин понимает, что от этого никуда не уйдешь.

Ведь должен же как-то комбинат ответить милиции, отреагировать. Для того и собрались. А Бабкин не подведет. Он знает, как надо вести себя в подобных случаях.

Для начала надо изобразить скорбно-страдальческую мину с оттенком раскаяния. Далее надо терпеливо выслушать изобличающие слова. Затем выразительно помолчать, но особо паузу не затягивать (присутствующие торопятся по своим делам, и излишняя проволочка может вызвать у них раздражение). В заключение надо произнести несколько стандартных клятвенных обещаний.

После этого можно считать инцидент исчерпанным. Строгий начальник вытрезвителя получит официальный ответ комбината о принятых суровых мерах, и дело в шляпе. Можно считать, что ничего и не было. Ведь только с Бабкиным за последнее время такое повторялось трижды! И ничего.

К тому же пребывание в ногинском вытрезвителе никак нельзя считать юдолью тоски и одиночества. Сослуживцы не оставляют Бабкина одного, не забывают, проведывают.

— Кого я вижу! — воскликнул как-то, возникая на пороге, работник того же комбината Б. Аракчеев. Он только что прибыл в вытрезвитель и, поддерживаемый тремя парами рук, направлялся к своей койке.— Б-бабкин, дай обниму и поцелую!..

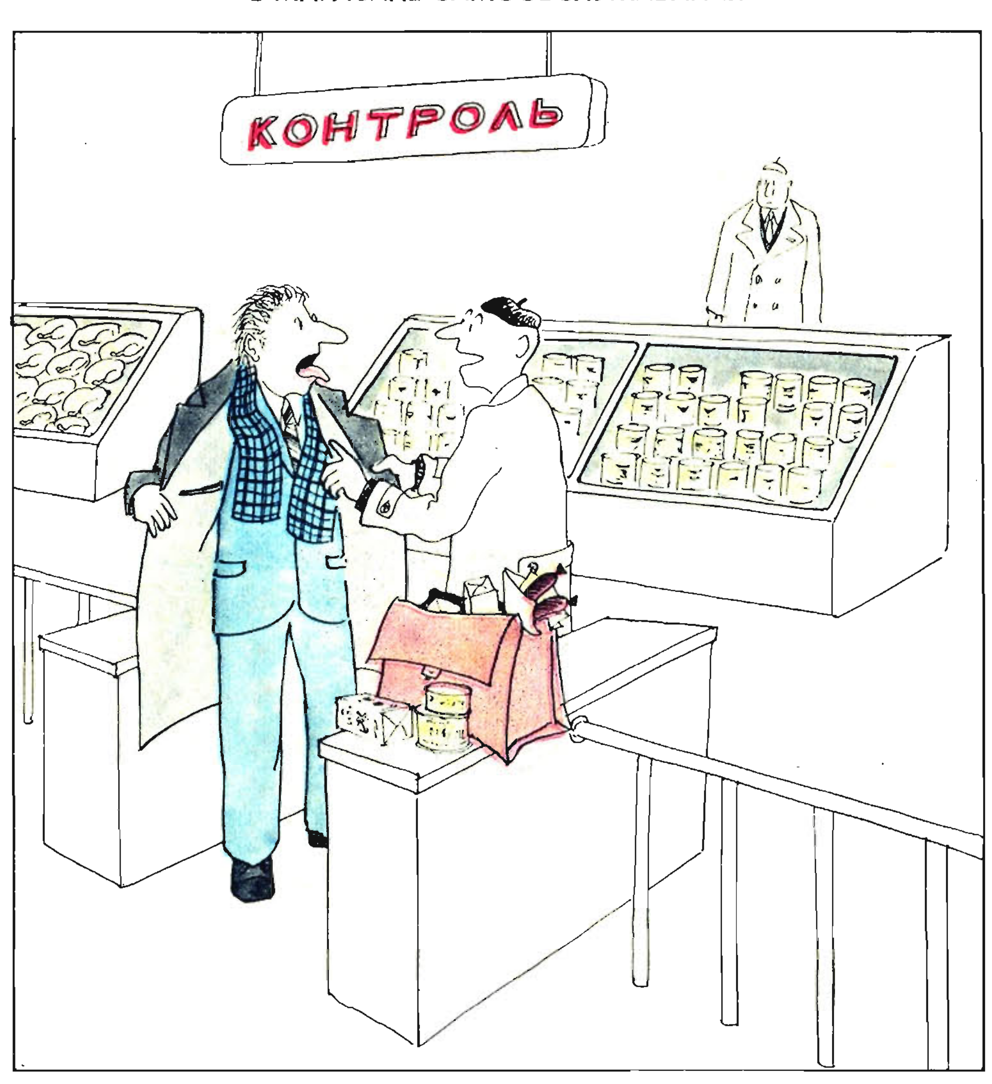
Аракчеев был явно в приподнятом настроении. Видимо, потому, что чувствовал себя в привычной обстановке. Это тоже был его третий визит в вытрезвитель за последние месяцы. И тоже, разумеется, после очередной проработки на комбинате.

Едва только улегся спать Аракчеев, в коридоре снова раздался шум. Как будто сгружали с автомашины несгораемый шкаф. Это привезли прессовщика того же комбината М. Полякова. Увы, тоже в третий раз. После двух нелицеприятных обсуждений в коллективе. Его поместили на койке, у изголовья которой выцарапаны инициалы «Ж. М. В.». Это персональное лежбище работника Глуховского хлопчатобумажного комбината М. Желтикова. Здесь он отсыпался шестнадцать раз!..

А во дворе вытрезвителя снова трещат мотоциклы. Работы много. За пять месяцев только для перевозки сотрудников Глуховского комбината потребовалось сделать почти триста рейсов. Туда и обратно. Обратно и туда. И вот, побрызгав водой на раскаленные цилиндры двигателей, милиционеры вновь вскакивают на свои машины и мчатся по улицам города. А начальник ногинского вытрезвителя капитан Котов всерьез подумывает забронировать за комбинатом отдельные, так сказать, фирменные койки...

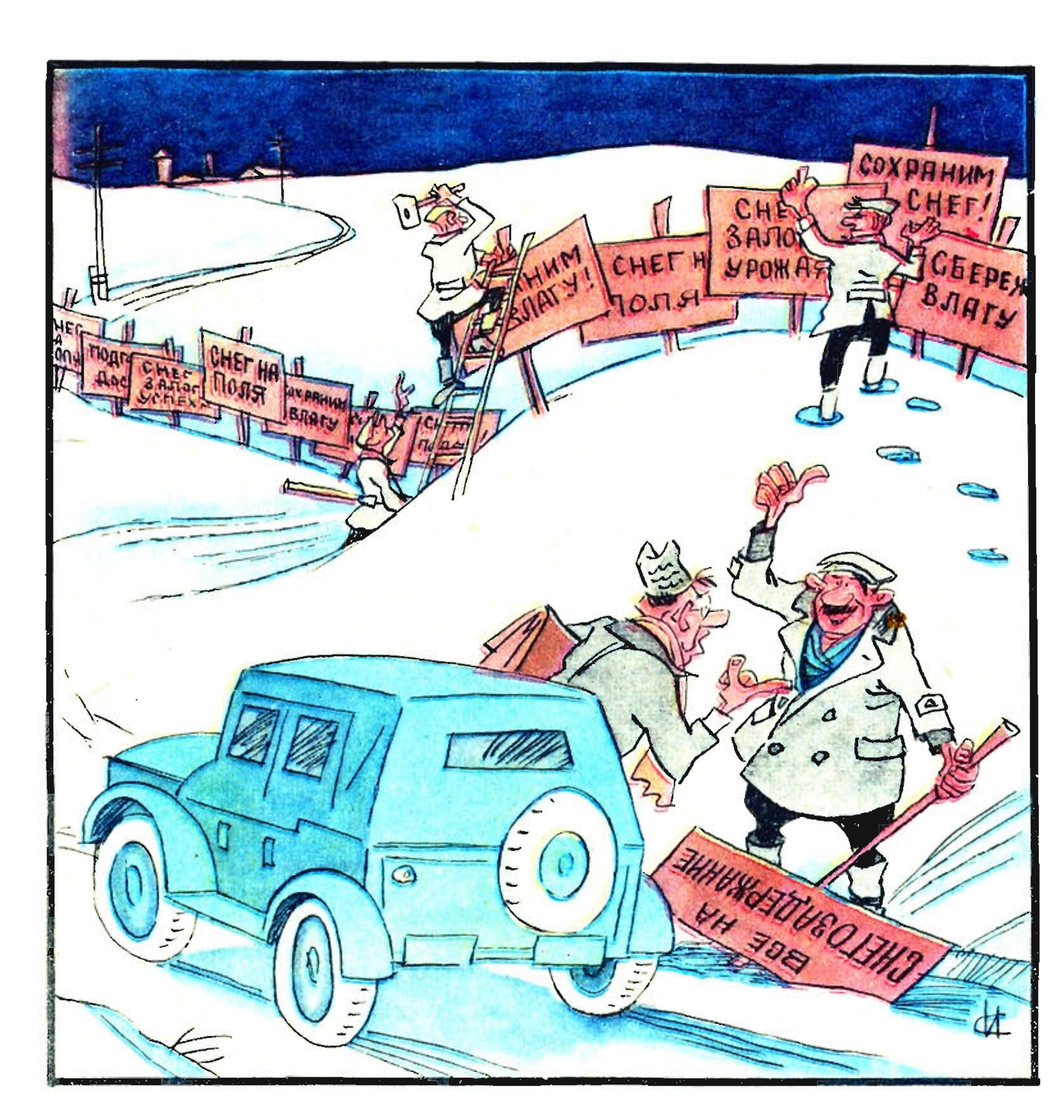
г. Ногинск.

В МАГАЗИНЕ САМООБСЛУЖИВАНИЯ

— Ваня! У нас сегодня языки в продаже были?

Рисунок Ф. КУРИЦА

— К снегозадержанию готовы?
— Как видите!

Рисунок И. СЫЧЕВА

ТРУДЫ И ДНИ ДЯДИ САНДРО

Фазиль ИСКАНДЕР

На очередном литзаседании в Продолговатом зале редакции крокодильцы познакомились с новым сатирическим романом Фазиля Искандера «Жизнь Сандро Чегемского».

Кто такой этот Сандро Чегемский! И почему писатель решил отобразить его жизнь! Сандро — тамада не только по положению в обществе, но и по призванию. Он всюду желанный гость, обязательный участник веселых празднеств и необыкновенных событий.

Кроме того, Сандро — своеобразный блюститель чести и справедливости, хотя судит о них нередко с патриархальной непосредственностью и прямолинейностью.

Роман, главу из которого мы публикуем, принят к печати редакцией журнала «Новый мир».

Возможно, если бы не рассказы дяди Сандро о пережитых приключениях, которые я слушал с удовольствием, мы встречались бы гораздо реже. Я умею отключаться, когда рассказ входит в нудную стадию своего развития. При этом я время от времени что-нибудь уточняю, ухватившись за хвост последней фразы, что до сих пор помогает мне поддерживать репутацию хорошего слушателя.

Но дядю Сандро я слушал всегда с неослабевающим вниманием и не помню случая, чтобы хоть на минутку отвлекался.

Постепенно из этих рассказов стала вырисовываться его полуфантастическая в молодости жизнь и довольно странная, во всяком случае, необычная старость.

Когда уже после войны дядя Сандро покинул деревню, он, скорее всего из осторожности, свой половинчатый «побег» закончил в пригороде: остановился в таком месте, где колхозы уже кончились, а город еще не начался.

Уже многие годы слава его как одного из лучших украшателей стола, веселого и мудрого тамады росла и росла и ко времени моего с ним знакомства достигла внушительных размеров, хотя я тогда ничего об этом не знал. Я жил как бы в другом измерении, но, раз выйдя из него, стал встречать дядю Сандро или слышать его имя довольно часто.

В те годы он стал появляться у должностных лиц иногда на правах человека, который неоднократно встречался с ними за столом, а иногда просто входил к ним с административными предложениями. Так, мне доподлинно известно, что он побывал у одного крупного должностного лица с предложением вернуть местным рекам, горам и долинам их древние абхазские названия.

Кстати, по рассказу дяди Сандро, это самое должностное лицо, к которому он обращался со своим предложением, не встало с места, когда он уходил. Возможно, говорил дядя Сандро, он этим хотел показать, что очень прочно сидит на своем месте.

Все же через некоторое время это самое должностное лицо вынуждено было покинуть свое место «в связи с переходом на другую работу», как об этом сообщалось в нашей газете, хотя он сам почти одновременно с этим сообщением благим матом орал на весь город, что не хочет покидать свое место, а потом даже разрыдался на заседании бюро обкома, чем, безусловно, доказал свою искреннюю привязанность к покидаемому месту.

Дядя Сандро после всего этого говорил, что этого человека сняли именно потому, что он в свое время принял у себя в кабинете его, дядю Сандро, с недопустимой по абхазским обычаям степенью хамства. Я было посмеялся над этим предположением, но потом решил, что в его словах все-таки есть доля истины. Ведь частное хамство по отношению к дяде Сандро могло быть признаком универсального охамения должностного лица до степени недопустимой.

В первое время, когда я стал бывать у дяди Сандро, я обычно находил его в общественном саду, который он сторожил. В этом саду дядя Сандро пас свою полулегальную корову, держа ее на длинной веревке. Обычно он сидел на старом потнике, опрятный, с таким горделивым видом, словно держал на привязи не обычную корову, а небольшого зубробизона, укрощенного лично им. Иногда на шее у него висел прекрасный цейсовский бинокль,— как впоследствии выяснилось, личный подарок принца Ольденбургского.

Я заметил, что с места, на котором он сидел, хорошо просматривалась дорога, и если на ней появлялся подозрительный с его точки зрения человек, он загонял корову за большой, развесистый куст ежевики, словно нарочно для этой цели выращенный в саду.

Корова, по-видимому, так к этому привыкла, что, едва только дядя Сандро вставал, а то и не вставая, бывало, подергивал веревкой, она сама брела за куст и, кажется, выглядывая оттуда, ждала, пока пройдет подозрительный человек. Кстати, я ни разу не слышал, чтобы эта корова замычала.

В первый раз, когда я посетил его в саду, произошел забавный эпизод. Внизу на дороге появился милиционер, судя по буханке хлеба, которую он держал под мышкой, местный человек. Дядя Сандро, продолжая сидеть на своем потнике, слегка приосанился.

Милиционер, поравнявшись с нами, остановился у забора, почему-то бросил тоскливый взгляд на одну из яблонь, потом на дядю Сандро и сказал:

— Пасешь?

— Пасу,— твердо ответил дядя Сандро.

— Хорошую ты мне яблоню отвел,— вздохнул милиционер и снова критически оглядел яблоню, на которой, как я теперь заметил, почти не было плодов. Это была яблоня местного сорта.

— Сам выбирал,— ответил дядя Сандро загадочно.

— Хорошо ты мне удружил, по-соседски,— сказал милиционер и, укрепив под мышкой буханку, двинулся дальше, все еще продолжая ворчать.

— В чем дело? — спросил я.

— Из-за коровы я отвел ему яблоню,— сказал дядя Сандро,— а она в этом году, как видишь, не дала урожая. Вот он и сердится.

— И давно это вы так? — спросил я.

— Шестой год,— сказал дядя Сандро.— Раньше я коз держал. Выбрать дерево я ему даю весной. В этом году ему не повезло. Я дал ему в придачу сливу-скороспелку, но он все равно недоволен.

Я спросил у него, чего он все следит за дорогой, если с милиционером у него уже налажены деловые отношения.

— А райсовет? — сказал дядя Сандро.

— Отведи и им какое-нибудь дерево,— предложил я.

— На всех не напасешься,— ответил он, как мне показалось, несколько раздраженный неуместностью моего шутливого тона.

Приходя сюда, я обычно усаживался рядом с ним, и мы беседовали.

Почти по любому поводу он вспоминал случаи из своей бурной жизни или просил меня рассказать о том, что делается на свете. Слушал внимательно, но не слишком удивляясь.

Иногда я встречал дядю Сандро на берегу моря, где он сидел на скамейке, перебирая четки и любуясь мельтешением чаек. Порой он важно прохаживался вдоль берега, изредка поглядывая из-под руки на горизонт, словно переодетый адмирал, ждущий тайного транспорта. Или я заставал его сидящим на берегу с газетой в руках, и тут он неожиданно бывал похож на дореволюционного профессора, если, конечно, не обращать внимания на его экзотический наряд или на то, что он в отличие от профессора все же читал по слогам.

Он сиживал в кофейнях в окружении шумной компании, между прочим, нередко молодых людей. Видимо, он им рассказывал что-то веселое, потому что оттуда время от времени доносились неопасные взрывы смеха. Иногда я его перехватывал, когда он только заходил в кофейню, и усаживался с ним за отдельный столик.

— Встречаю на базаре братьев Ламба,— начал он однажды в кофейне без всякого вступления.— Давно я с ними хотел поговорить, да все случая не было. «Идемте,— говорю,— в кофейню, у меня к вам разговор есть».

Заходим, садимся. Я за свой счет заказываю кофе, коньяк, боржом. Официантка подает. Я молчу. Думаю, пусть она отойдет. Она отходит. Я смотрю на них — сидят напротив два здоровых лба и смотрят.

— Догадываетесь,— говорю,— зачем я вас позвал?

— Нет,— говорят лбы, переглянувшись.

— А отчего,— говорю,— вы такие недогадливые?

— Не знаем,— говорят лбы и снова переглядываются.

— Может,— говорю,— родители виноваты?

— Нет,— говорят,— мы сами такие.

— Значит, родители не виноваты?

— Нет,— говорят.

— В том числе и отец?

— В том числе и отец.

— Так слушайте меня внимательно,— говорю.— Я знал хорошо вашего отца. Сорок лет назад его убил холуй князя Чачба. С князем справилась Советская власть, а холуй до сих пор ходит по нашей земле и смеется над вами про себя, а иногда и открыто. За эти сорок лет самые дремучие пастухи,— говорю,— из самых дремучих урочищ свет увидели. Неужели вы до сих пор такие темные, что не знаете — сыновья за отца должны отомстить?!

— И что ты думаешь, они ответили на мои чистые, красивые слова? — обратился дядя Сандро ко мне.

— Не знаю,— говорю.

— Так слушай. «Дядя Сандро,— говорит лоб, что постарше,— но ведь нас за это арестуют».

— Козлиная голова,— отвечаю ему,— конечно, арестуют, если поймают. Ну и что? Ты за родного отца отказываешься посидеть? Отрекаешься?

— Не отрекаемся,— отвечает теперь лоб, что помладше,— но, может, в этом деле и наш отец был виноват?

— Ты что,— говорю,— судья?

— Нет,— говорит,— я завмаг.

— Тогда,— говорю,— ты исполни свой долг, а судья, исполняя свой долг, разберется, кто был виноват.

— Нет,— говорит,— ты нас, дядя Сандро, в такие дела не втягивай...

Тут я не выдержал. Я ему напоминаю о его чести, я его за свой счет угощаю коньяком, чтобы пробудить в нем мужество, и я же виноват!

— Чтоб я,— говорю,— твой гроб купил в твоем же магазине! Убирайтесь отсюда, и чтоб на базаре и в других общественных местах вашей ноги не было, пока я жив!

Слова не сказали — встали, ушли. Да что толку — люди совесть забыли... Правда, я тоже ошибку допустил, надо было сначала отдельно друг от друга с ними поговорить, да понадеялся на их совесть... Отец-то у них был орел,— добавляет дядя Сандро после некоторого молчания, как

со стр. 7.

ТРУДЫ И ДНИ ДЯДИ САНДРО

бы еще раз мысленно пересмотрев все возможные причины падения братьев Ламба,— но со стороны матери, кажется, у них кровь подпорчена посторонней примесью.

Он допивает свой остывший кофе несколькими большими глотками и окончательно успокаивается.

После этой встречи мы с ним не виделись около месяца, и я стороной узнал, что дядя Сандро попал в автомобильную катастрофу. Он ехал на грузовике вместе со своими земляками на какие-то большие похороны в селе Атары. Навстречу им мчался грузовик, возвращавший людей с этих же похорон. Дядя Сандро сравнительно легко отделался: он вывихнул ногу и потерял один зуб.

Он сидел в саду на том же потнике, только теперь рядом с ним торчал посох, к которому он, оказывается, пристрастился после этой автомобильной катастрофы. Корова на длинной веревке паслась тут же; время от времени отрываясь от своего увлекательного занятия, она, подняв голову, поглядывала на дорогу.

В то время как раз пересматривались пенсионные дела. То ли дядя Сандро узнал об этом, то ли решил, что автомобильная катастрофа — это не что иное, как производственная травма, но он стал просить помочь ему выхлопотать пенсию. В каком-то идеальном смысле он и в самом деле получил производственную травму, но навряд ли собес захотел бы это понять.

— Дядя Сандро,— сказал я,— но ведь у вас нет трудового стажа?

— Выдумали какой-то стаж,— проворчал он,— можно подумать, что все эти годы кто-то меня кормил бесплатно. Раз человек не грабил, не убивал, значит, он жил своим трудом...

Опять на дороге появился милиционер. Дядя Сандро несколько подобрался в ожидании, когда тот поравняется с нами. Поравнявшись, милиционер снова остановился и мельком взглянул на свое дерево, как бы с неясной надеждой увидеть на нем неожиданно появившиеся плоды, хотя теперь уже и на других деревьях не было ни одного плода.

— Пасешь? — перевел он взгляд на дядю Сандро.

— Пасу,— с достоинством ответил дядя Сандро.

— Чтоб ты столько счастья имел, сколько я имею пользы с твоего дерева,— проговорил милиционер.— Дождешься похуже того, что с тобой случилось,— добавил он и пошел дальше. Было похоже, милиционер этой загадочной фразой дал знать, что автомобильная катастрофа — это деликатный намек того, кто свыше следит за нашими поступками и время от времени легкими щелчками напоминает о себе.

— Иди, иди, дуралей,— проговорил дядя Сандро скептически, но не очень громко.

Между прочим, пенсию он все же получил той же зимой. Правда, небольшую, но все-таки. Я уж не знаю, что он там использовал для этого — то ли автомобильную катастрофу, то ли еще что. А может быть, люди, достигшие его возраста, вообще имеют право на пенсию независимо от трудового стажа.

— Нет,— сказал он, словно возражая кому-то,— власть у нас неплохая, идет навстречу человеку.

— Как же все-таки получили? — полюбопытствовал я.

Мы сидели за столиком в той же приморской кофейне. Дядя Сандро был в отличном настроении. Рассеянно, но доброжелательно оглядывая столики, он выслушал мой вопрос, погладил усы и, слегка запрокинув голову, притронулся к нежной складке на шее.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил он, веселея глазами.

— Жир,— наивно ответил я.

— Мозоль,— ответил он с шутливой гордостью.

— От чего? — спросил я, стараясь угадать его стройный, хотя все еще непонятный силлогизм.

— Думаешь, легко быть вечным тамадой? — ответил он и еще выше запрокинул голову, показывая, что когда пьешь, все время приходится держать ее в таком положении. Он снова притронулся к этой складке на шее и даже поощрительно похлопал ее в том смысле, что она ему еще послужит. Но тут к нам подошел молодой человек, исполненный ликующего почтения.

— Дядя Сандро!— воскликнул он.— А я вас ищу по всему городу...

— Что ты говоришь! — оживился дядя Сандро.— А я совсем забыл. Старею, старею, дорогой.

— Как можно, дядя Сандро, вас ждут! — воскликнул молодой человек.— Никто ни к чему не хочет притронуться.

— Иду, мой мальчик, иду! — сказал дядя Сандро и, встав, оправил черкеску.

— Извини, дорогой, но компания ждет,— добавил молодой человек, миролюбиво, но твердо обращаясь ко мне, как бы давая знать, что было бы безумным расточительством тратить драгоценные силы великого тамады на одного человека, когда его ждут жаждущие массы.

— Так ты остаешься? — спросил дядя Сандро, словно до этого уговаривал меня пойти с ним, но я отказался.

— Да,— сказал я,— я еще посижу.

КРОКОДИЛЬСК… АВТО•ИНСПЕКЦ…

Андрей КАРАСЕВ,
Сергей РЕВЗИН

РЕПОРТАЖ С ПЕРЕКРЕСТКА

Хоть идет машин волна,
Бабушке неймется:
Через улицу она
Пулею несется.
Но остановилась вдруг
Посреди дороги.
Может быть, какой недуг?
Подкосились ноги?
Может, переутомленье?
Нет, у бабушки сумленье:
«Я купила молока,
Сахару и мыла...
Ну, а сдачу с трояка
В кассе не забыла?»

Мужчина, видать, нагрузился изрядно
(Возможно, в гостях, а не просто в парадном.)
Пытается улицу он перейти:
Возможно, он новые ищет пути.
Мужчина на этих путях — кандидат...
Возможно, что в рай,
а возможнее — в ад!

Вот мужчина-Геркулес
Огражденье перелез.
Засверкали только пятки —
Он помчался без оглядки
Всем смертям наперерез.
— Ты куда спешишь, чудак?
Геркулес, вопрос услышав,
Отвечает:
— Просто так...
Напрямик — немножко ближе.

Выезжает быстро Федя
На своем велосипеде.
И, нигде не тормозя,
Обгоняет всё и вся.
Замирает перекресток:
«Ой, что делает подросток!»

А вот, пожалуйста, курьез:
Дорогу переходит пес,
Не нарушая дисциплины,
В момент, когда стоят машины.
Идет и думает сейчас:
«Нам жизнь дается только раз!»

СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА...

Ушли в далекое прошлое страхи дальних дорог, и сегодняшний путник катит по отличном шоссе в уютном салоне автобуса, сидит за рулем могучего МАЗа или быстрых «Жигулей».

Оберегая нас от опасностей, стоят с волшебными полосатыми жезлами неутомимые работники ГАИ, способные одним жестом остановить или продолжить движение. И на всем долгом пути помогают нам четкие дорожные знаки, аккуратная, яркая разметка, ухоженная лента шоссе.

Садись за руль — и кати, не волнуйся.

Но волнуются шоферы, зная, что есть у них еще один покровитель — ДЭУ, дорожный эксплуатационный участок.

Если ваш автомобиль мягко катит по автотрассе и вас не трясет, словно в нервном тике, на бесконечных выбоинах, смело благодарите ДЭУ и его начальника. Если же колеса вдруг начинают скользить по первому гололеду, тщетно пытаясь отыскать хотя бы горсточку песку, а потом вы чувствуете, как в бок новенькой «Волги» вминается идущий сзади «Москвич» и уже четыре машины стоят, уткнувшись друг в друга, словно старые друзья после многолетней разлуки, смело ругайте ДЭУ и его начальника.

А ведь так и стояли четыре машины 26 ноября прошлого года на семнадцатом километре дороги Минск — Слуцк. И хотя после этого случая начальник ДЭУ-745 Яскевич вспоминает о своем работе в прошедшем времени, но, видимо, его ошибки еще не пример для других.

Со страхом, словно путник, впервые очутившийся на горной тропке, выходят из дома жители села Мосты, что на 658-м километре дороги Москва — Чоп. И не раз, наверное, глядя на бесконечные потоки автомашин, проносящихся через село, вспомнили они недобрым словом своего покровителя — начальника ДЭУ-898 товарища Дреножика В. Н., который о тротуарах и думать не хочет.

Построили в Минске новый микрорайон — Серебрянка, связали с городом проспектом Рокоссовского. Широкое шоссе, трехрядное движение: мы в лес, вы по дрова! Только пробираться по проспекту водителям приходится чуть ли не на ощупь. Трассу-то построили, а кто же будет налаживать нормальное освещение, кто сделает разметку?

«Что вы,— слышится ответ из Минского горисполкома,— мы еще в прошлом году закупили для разметки двадцать тонн термопластика. Прекрасный термопластик: держится на асфальте не два месяца, как обычная краска, а два года».

Вот только почему до сих пор, несмотря на бесконечные просьбы ГАИ, держится термопластик на складе Мингордоруправления?

Но давайте порадуемся хотя бы за водителей и пешеходов Молдавии: у них действительно заботливые покровители.

Министерство строительства и эксплуатации автодорог Молдавской ССР вместе с работниками ГАИ внимательно обследовало каждый километр многочисленных трасс, и 27 сентября нынешнего года был издан приказ, где каждое слово — сама забота.

Все предусмотрели министерство и госавтоинспекция в связи с надвигающимися осенними туманами, распутицей, гололедами... Ни один метр дороги не остался без внимания, ни один поворот, ни один спуск. Готовятся переносные дорожные знаки, песок, шлак, техническая соль, проводятся семинары с главными механиками дорожных организаций. Ведь это их дело — бесперебойная работа снегоочистителей, пескоразбрасывателей...

Немало забот и в Марийской АССР, где дороги раскинулись на шесть с лишним тысяч километров. Ведь на все эти тысячи километров — только четыре роторных снегоочистителя и пять пескоразбрасывателей.

Как сказал поэт: «Тянется дорога, дорога, дорога...» И было бы здорово ехать, если б везде заботились о ней дорожные организации так же, как в Молдавии. Но пока нам приходится еще обращаться к грустной статистике, по которой из-за плохих дорожных условий только в РСФСР случилось в прошлом году более десяти тысяч дорожных происшествий.

И когда, как не сейчас, вспомнить об этом; если еще вчера плавился от зноя асфальт, то уже сегодня осень развернулась перед нами мокрыми трассами, густыми утренними туманами и ранними сумерками...

Пусть будет скатертью дорога!

Н. ЦВЕТОВАТЫЙ

НЕДОСТИЖИМЫЕ НОМЕРА

Цены на мотоциклы и на таблички с номерами для них, как известно, несколько отличаются друг от друга.

Практическая же ценность и того и другого одинакова. Если на номере для мотоцикла не прокатишься, то и на мотоцикле без номера дальше ближайшего милиционера не уедешь.

Последнее кто-кто, а мы, любители мотоциклетного спорта, у себя в Георгиевске хорошо изведали. Приобретенные за последние месяцы машины еще ни разу за ворота и колес не показывали.

А в местной ГАИ нам говорят:

— Номерных знаков в наличии нет! Запрашивайте краевой центр — Ставрополь. Там многое есть!

Ну что ж, запросили. А оттуда ответили:

— Обратитесь в Москву. В столице есть все!

Вот мы и обратились. Только адрес выбрали сами: «Москва, «Крокодил». Помоги нам, дорогой, взобраться наконец на мотоциклетные седлышки!

В. КУГУЧКОВ, И. ИВАНЧЕНКО, И. САМАРИНОВ и др. (всего 34 подписи).

г. Георгиевск,
Ставропольский край.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок В. БИЛЛЕВИЧА

или ВЪЕЗД ВОСПРЕЩЕН

Людям свойственно гостеприимство. Но гостеприимство вообще по сравнению с кавказским гостеприимством — все равно, что фен по сравнению с ураганом.

Посетите столицу Грузии Тбилиси, и вы в этом убедитесь. На дороге из аэропорта в город, в трехстах метрах от станции метро «Исани», есть путепровод, на котором написано: «Добро пожаловать». Не верите — посмотрите на фото. Все еще не верите? Тогда езжайте под путепровод, и вы немедленно попадете в крепкие объятия инспектора ГАИ. Указав вам на знак «Проезда нет», висящий как раз под словом «пожаловать», инспектор потребует с вас рубль.

Но разве это много — рубль за гостеприимство?

И. СИРОКО

Любовь на большой скорости

Они были молоды. Они были красивы. Перед ними были открыты все пути и дороги. Они сели на мотоцикл «Ява-350» и поехали по одной из дорог.

Между шахтой «Октябрьская» и Селидовским шоссе она шепнула ему:

— Милый, теперь поведу я. Дай мне руль.

Он не смог отказать любимой.

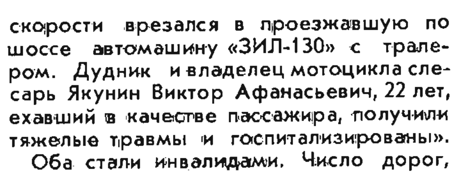
На этом лирическая часть кончается, начинается протокольная.

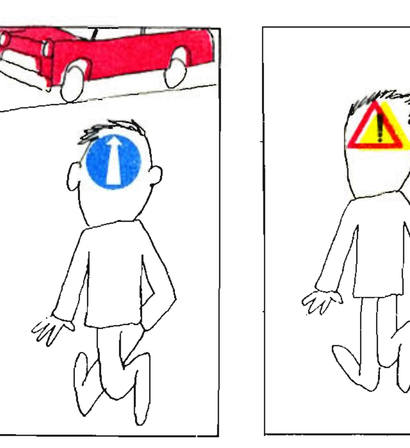
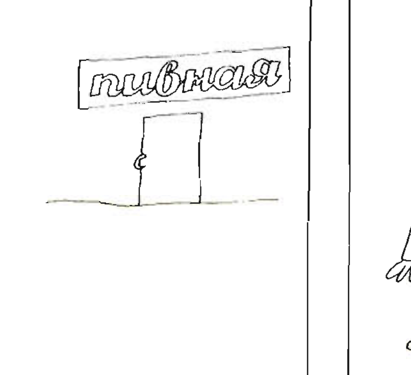
«Выезжая на шоссе, студентка 3 курса Донецкого института советской торговли Дудник Татьяна Ивановна, 21 года, вместо того чтобы притормозить, повернула ручку газа. Мотоцикл на большой скорости врезался в проезжавшую по шоссе автомашину «ЗИЛ-130» с тралером. Дудник и владелец мотоцикла слесарь Якунин Виктор Афанасьевич, 22 лет, ехавший в качестве пассажира, получили тяжелые травмы и госпитализированы».

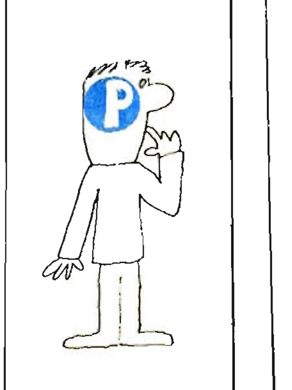
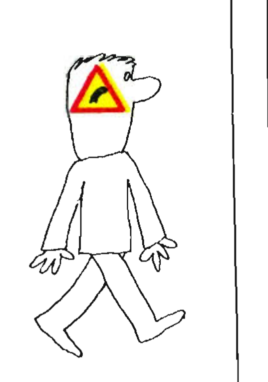
Оба стали инвалидами. Число дорог, открытых перед ними, катастрофически сократилось.

Не передавайте руль любимым!

Б. ЮРЬЕВ

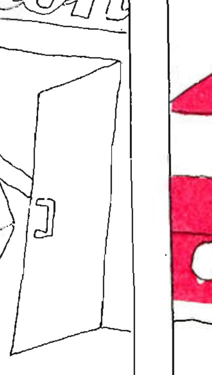
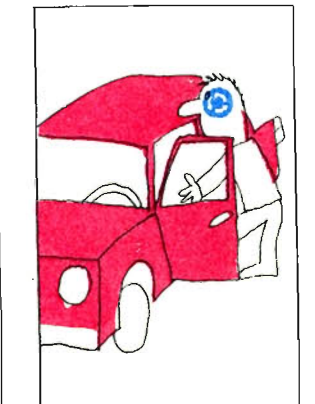
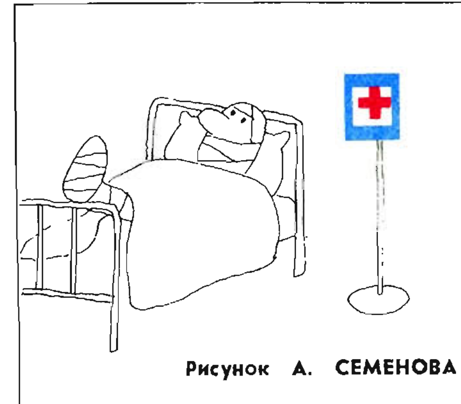

Рисунок А. СЕМЕНОВА

«Остается добавить, что и в дальнейшем ни один водитель, управляющий автомашиной, мотоциклом, трактором, не останется безнаказанным».

Газета «Вперед», Ставропольский край.

«Я пишу объяснительную по поводу моего прогула. Проснувшись утром, у меня заболел живот, я заделал пуншик, после чего отправился на работу. Навстречу мне шла машина. Я стал лавировать, шофер тоже. Потом он вышел из кабины и кривым стартером меня отходил. После этого я потерял направление и вернулся домой».

Прислал Н. Крофто, пос. Зверево.

«НЕ ОСЛЕПЛЯЙ ЗВУКОМ».

(Надпись на борту автомашины)

Списал Ф. Резяпов, г. Стерлитамак.

«Переходя улицу, я спросил у милиционера, который час, а когда он заподозрил меня в нетрезвом состоянии, я стал останавливать водителя такси, который меня не понял и столкнулся с автобусом».

(Из объяснения)

Копию снял В. Осокин, г. Москва.

«Желающие ехать до Казакова, подойдите к кассе номер два. Автобус пойдет — докуда дойдет».

(Объявление на автостанции)

Прислал А. Пантелеев, г. Арзамас.

«Гниванская пожарная часть сообщает на Ваше письмо за № 1479 от 23 августа 1972 года. Сообщаю, что положительную характеристику на шофера тов. Отвиновского Ивана Михайловича дать не можем, а отрицательную дать нежелательно. Но, если он как водитель вас устраивает, то можете его принять на работу».

(Из ответа на запрос)

Выписал Н. Бурковский, Винницкая область.

ВЕЛИКАЯ КУХОННАЯ ПРОГРАММА ПЕНТАГОНА

Л. ЛУКЬЯНОВ

Кастрюля, этот простой сосуд с двумя ручками, уже, наверное, не одно тысячелетие играет важнейшую роль в укреплении домашнего очага. В кастрюлях варят супы, компоты и каши, объединяющие людей разных возрастов в ячейку, именуемую семьей.

Но вот недавно ученые открыли еще одно свойство кастрюль. Коварный сосуд — кто бы мог подумать? — наносит серьезный урон боеспособности американской армии. Пентагон ахнул и сначала не поверил.

Собранный материал засунули в электронную машину для проверки. Да, сказала машина, кастрюля — враг солдата. Опять не поверили. Целую неделю бригада техников-наладчиков билась над счетной машиной, но она упрямо настаивала на том, что притоку добровольцев в армию США мешают кастрюли.

За дело пришлось взяться военным психологам. Исследования перенесли в одну из пехотных частей. Психологи добросовестно бродили по военному лагерю, затевали разговоры с солдатами, трудились над хитроумными тестами. Но это тоже ничего не дало.

Наконец один из психологов, проголодавшись, заглянул на кухню.

— Ну, как тут у вас идут делишки? — принюхиваясь, поинтересовался специалист.— Как тут у вас с кастрюлями, сковородками, чайниками?

— Сам ты чайник! — буркнул один из дежуривших солдат. — Говори что надо и проваливай.

— Собственно, мы с самого утра изучаем у вас проблему кастрюли...— смутился исследователь.

— А ты возьми щетку да и надрай ее так, чтобы сержант не ворчал, тогда постигнешь!—в сердцах посоветовал служивый.— Жрать все вы горазды, а как чистить, так образование не позволяет!..

Через полчаса, вспотев и извозившись, психолог отчетливо уяснил, что нужно предпринять, чтобы жалкий ручеек добровольцев, питающий армию, превратился в могучую, полноводную реку: дежурство на кухнях в армейских частях следует передать гражданским лицам. Военнослужащие должны быть избавлены от этой неприятной традиционной обязанности.

Вывод комиссии гласил: «Добровольцы не идут в армию, так как не желают возиться с грязными кастрюлями».

В общем, даешь гражданских судомоек! Воинам воиново, судомойкам — кастрюли. Тем более что новая кухонная программа обошлась бы Соединенным Штатам в сущие пустяки — в каких-нибудь 275 миллионов долларов в год. Стоит ли говорить о такой мелочи, если реформа сулит приток тысяч добровольцев!

Новая программа поскакала по административным ступенькам. Для начала военные запросили на судомоек 60 миллионов. Сенатор Проксмайр попробовал было умерить их аппетит.

— Что за изнеженных солдат мы воспитываем, если они боятся запачкать руки? — вопросил он.

Но другой сенатор, Ллойд Бентсен, грудью бросился на защиту новой идеи.

— Нам нужны крепкие солдаты с мозолистыми руками, а не солдаты, у которых руки привыкли к кастрюлям! — заявил сенатор.

А третий сенатор, Джон Пасторе, так тот даже усмотрел в новой программе Пентагона мощное средство для борьбы с безработицей: пусть-ка военное ведомство, нанимая на армейскую кухню штатских, даст им немного подкормиться...

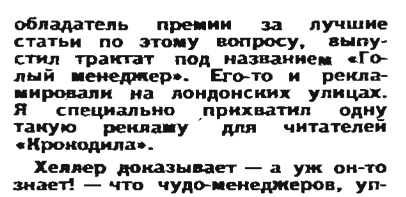
Короче говоря, сенатор Проксмайр потерпел поражение. Сенаторы одобрили кастрюльную программу.

Вообще военное ведомство США из года в год предпринимает самые серьезные усилия по завлечению добровольцев в армию. Чего только не делалось! Солидные денежные авансы, пивные автоматы на боевых кораблях, рекламные фильмы, отпуска на живописных тихоокеанских островах, солдатские бары, девушки для танцев и прочие девушки — это далеко не полный ассортимент приманок и соблазнов. А теперь еще и избавление от кастрюльной повинности.

Однако парни, которых ждет не дождется американская армия, что-то не торопятся на вербовочные пункты. Видно, они научились разбираться в тонкостях пентагоновской кухни. И знают, в каких кастрюлях какие каши завариваются.

В ПОИСКАХ ИСЦЕЛЕНИЯ

Виктор МАЕВСКИЙ

Как-то в Лондоне я вышел из отеля, подхожу к станции метро, и вдруг навстречу мне мистер в котелке, с большой сигарой во рту, и более на нем ничего, кроме бумажки с цифирью на том месте, где положено быть фиговому листку.

Дошел до Марбл-арч — и там на всех углах этот заметный господин. И по всей Оксфорд-стрит — через каждые двести метров. И на Риджент-стрит и на Пикадилли-серкус — на любом рекламном щите, в каждом газетном киоске обнаженный толстяк в котелке и огромные буквы:

«ГОЛЫЙ МЕНЕДЖЕР»

«Господи,— подумал я,— неужели раздели? Куда же смотрит полиция?»

Я купил газету «Обсервер». Оказалось, действительно раздели. И не одного, а всех менеджеров сразу.

Но тут нужно вспомнить историю.

Известно, что с некоторых пор капитал тяжко болен. То у него инфляция, то девальвация, то ревальвация. Всевозможные знахари-реформаторы ищут снадобья, чтобы облегчить участь хворого.

Когда вся знахарская премудрость была исчерпана и, казалось, уже никто ничего целительного придумать не сможет, вдруг прозвучало новое слово: «менеджер». Прозвучало как откровение, как радостный крик «Эврика!».

Провозгласили, что хворому нужна всего лишь хорошая, умная, смелая нянька — менеджер, управляющий.

Толковый менеджер быстро стал обрастать славой волшебника. Пошел слух, что он способен поправить дела разваливающейся фирмы, наладить производство, увеличить прибыли и дивиденды. Про нянек-менеджеров принялись рассказывать легенды, писать статьи и книги, сочинять диссертации и — даже! — слагать стихи.

И вдруг менеджер появился на лондонской улице в таком непрезентабельном виде.

Роберт Хеллер, признанный авторитет в области менеджеризма, обладатель премии за лучшие статьи по этому вопросу, выпустил трактат под названием «Голый менеджер». Его-то и рекламировали на лондонских улицах. Я специально прихватил одну такую рекламу для читателей «Крокодила».

Хеллер доказывает — а уж он-то знает! — что чудо-менеджеров, управляющих-кудесников попросту не существует. Их репутация волшебников, могущих спасти любую фирму от банкротства,— липа, миф, игра воображения, вроде платья голого короля из сказки Андерсена.

Разбирая по косточкам дела американских, английских и прочих компаний — «Роллс-Ройс», «Локхид», «Дженерал электрик», «Дженерал моторс» и т. д. и т. п.,— Хеллер приходит к немудреному открытию: если конъюнктура подходящая, то и дела у компании идут неплохо, а если конъюнктура скверная, то никакой менеджер не поможет.

А раз так, лечение хворого — дело рук самого хворого.

В те самые дни, когда Роберт Хеллер снял с управляющего его воображаемую королевскую мантию, председатель правления «Чэйз Манхэттен бэнк» Дэвид Рокфеллер поспешил на страницах «Нью-Йорк таймс» вернуться к некоторым реформаторским идеям.

«Многие сегодняшние критики,— писал он,— по-видимому, считают, что система частного предпринимательства не поддается реформе и что единственное правильное решение — это уничтожить капиталистический строй...»

Разумеется, представитель династии американских миллионеров не согласен с этими опасными критиками. Капитализм надо лечить, говорит он. Для этого нужны реформы. Надо пойти на «удовлетворение социальных нужд, пусть даже за счет некоторой потери экономической эффективности». В общем, лучше отдать кое-что, чем потерять все.

Предпринимателям, учит Рокфеллер, следует объединиться со всеми реформаторами, чтобы «помешать безрассудному применению крайних и чрезмерно эмоциональных мер». Мистер миллионер, как видим, не может выговорить страшного слова «революция».

Неведомо, сколько миллионеров поддерживают эти идеи. Но нет сомнения в том, что техасский миллиардер Гарольд Хант относится к проповедям главы «Чэйз Манхэттен бэнк» скептически.

Хант полагает, что дело не в няньках и не в реформах. Капитал не будет хромать, считает он, если сами капиталисты будут чувствовать себя хорошо, а посему главное — забота о собственном здоровье. И восьмидесятитрехлетний миллиардер предлагает свой рецепт.

Нет, это не разведение овощей на личном огороде, не игра в шашки, которую так почитает Хант, не прогулки с любимой собакой и даже не очередной поход против коммунизма, с которым миллиардер воюет всю жизнь.

Нет, это средство поистине новое и доселе не испытанное: надо ползать на четвереньках!

— Вы становитесь на четвереньки и ползете вокруг стола,— учит миллиардер своих коллег.— Вы ползете и смотрите на каждый палец каждой руки, поворачивая голову из стороны в сторону. Это естественное упражнение — такое же, как в то время, когда вы были обезьяной...

Мистер Хант уже опубликовал статьи о своем открытии, и пусть никто не удивляется, если в один прекрасный день среди столпов заокеанского бизнеса начнется движение под девизом «Назад, к обезьяне!».

Так что голый менеджер на улицах Лондона — это еще не последнее слово.

Кражи произведений искусства из церквей Западной Европы приняли повальный характер.

— Крепче прибивай, чтоб не оторвали!

Рисунок А. БАЖЕНОВА

ВИЛЫ В БОК!

ВОТ ПРИДЕТ ЧЕРТ...

Скажем сразу: мы не против дешевых, доступных каждому украшений. По этой причине мы не позволим себе ни одного упрека в адрес Душанбинского учебно-производственного комбината № 3, который в течение многих лет производит общедоступную галантерею из анодированного алюминия.

Для сравнительно небольшой республики продукции этого предприятия вполне хватало. Но, увы, благое дело недолго остается чьей-то монополией. И вот, соблазненный блеском псевдозолота, включается в изготовление сережек и ожерелий мощный комбинат «Армугон». Цель у великана, прямо скажем, благородная: радовать глаз душанбинцев и приезжих гостей национальными сувенирами.

Однако «Армугон», не утруждая себя поисками новых образцов, просто дублирует продукцию соседа. В результате поток алюминиевой галантереи удваивается, и вот уже фальшивое золото перехлестывает прилавки ЦУМа и магазинов Ювелирторга и превращается в океанский вал неходовой продукции. Торговая сеть не выдерживает нагрузки, разражается протестами, но поздно. Стоимость галантереи из алюминия, осевшей на складах «Армугона», ЦУМа и магазинов Ювелирторга, составляет около 105 тысяч рублей.

Зайдите в свободный от покупателей фирменный магазин «Армугон», и вы увидите, что он забит чем угодно, кроме настоящих, выдержанных в традициях таджикского национального искусства сувениров. Сиротливо стоит деревянная кукла «девочка-таджичка». До того, как кто-то из сотрудников привез ее в качестве рекомендованного кем-то образца, она была «девочкой-узбечкой», «девочкой-эстонкой», «девочкой-башкиркой» и т. д.

На стенах чеканка по металлу. Более чем посредственная, зато опять же широкий диапазон географического охвата тем. От Закавказья до Заполярья включительно. Кроме Таджикистана.

— На что же у вас все-таки спрос? — спрашиваю я директора «Армугона» тов. Евтодиева.

— Наметился спрос на чертей,— говорит Федор Николаевич, и голос его гулко отдается в пустоте торгового зала.— Вон, видите, стоит на верхней полке чертяка с вилами. Привез как-то коллега из Латвии. Большие надежды возлагали.

Федор Николаевич тяжко вздыхает и машет рукой:

— Кормила нас галантерея, а теперь нашу благодетельницу — того, прикроют. А мы только-только цех гальванизации отгрохали. Пятнадцать тысяч... гм... чертям под хвост... Хотели было наладить выпуск изделий из рога, да мясокомбинат сам свой сувенирный цех открыл, а нас без рогов оставил.

В общем, туговато приходится «Армугону». И в довершение всех бед дорогу перешел еще один конкурент. Нежданно-негаданно в Душанбе открылся филиал Ташкентской ювелирной фабрики, который вместо того, чтобы ковать кадры ювелиров для республики, кует... галантерею из алюминия.

Тем временем ходят по магазинам толпы отечественных и иностранных туристов, жаждущих купить оригинальный сувенир, и нет утоления их жажде. Пылятся на прилавках резиновые маски знаменитого кинотрио Никулин — Вицин — Моргунов, уныло стоит деревянная девочка какой угодно национальности, и Федор Николаевич Евтодиев уповает, как бы запустить в серию косяк деревянных чертей этак голов на тыщу. А вдруг да спасут положение? Чем черт не шутит!

П. ГЕЙВАНДОВ

г. Душанбе.

Худигрушка

Будучи проездом в Москве, жительница Перми Л. Д. Внутская решила сделать дочке подарок — купила в «Детском мире» шагающую куклу, которую сотворила детолюбивая Московская фабрика художественных игрушек.

Все бы ничего, да произошла одна маленькая неприятность: несмотря на всю проявленную заботу, шагающая кукла уже по дороге в Пермь, в вагоне, наотрез отказалась шагать. И еще один сюрприз: неожиданно у куклы выпал один глаз. Девочка, владелица худигрушки, по простоте душевной предположила: «Наверно, кукла увидела цену — 13 рублей 50 копеек, вот и не выдержал глаз».

Талантливое произведение мастеров «художественных игрушек», естественно, вернулось на фабрику для исправления. Давно вернулось. И давно не возвращается в Пермь. Несмотря на просьбы и напоминания. Ничего не поделаешь — не шагает. Да и обратный путь не находит. Ведь без глаза...

Б. САВЕЛЬЕВ

Г. МАРЧИК

ОДИН НА ОДИН С ХАМОМ

В последнее время все больше публикуется заметок о правилах хорошего тона. О том, надо ли заворачивать цветы в бумагу прежде, чем вручить даме своего сердца. Как пользоваться вилками и ножами. И прочие очень ценные в повседневной жизни советы.

Да вот беда, некоторые граждане или совсем не читают указанные заметки, или читают их не слишком внимательно. В результате кое-где еще имеют место отдельные случаи хамства.

Стоите вы, к примеру, в очереди. Тихо, мирно. Мечтаете о свежей рыбе. И вдруг, грубо расталкивая всех локтями, к прилавку пробивается некто. Это хам. Вульгарный, многократно описанный и печатно заклеймённый тип хама.

Очередь стыдливо молчит. Ни один не отваживается взять хама за воротник. Неохота связываться со всяким. Трепать себе нервы... Все молчат, молчите и вы. Вам что, больше всех надо?..

Но вот наконец вы достигли заветного прилавка рыбной секции.

— Два карпа, пожалуйста.

— Нету, кончились...

— Но вы только что доставали из-под прилавка.

— Кого? Когда? Чего болтаешь?

Оглядываетесь по сторонам в поисках поддержки, сочувствия, солидарности. Но, увы... Один отворачивается, другой опускает взгляд, третий безразлично смотрит прямо перед собой. Почему они молчат? Ведь они все видели, слышали... Горькая обида пронизывает вас с головы до пят. Эх, люди, люди!..

Вам уже не хочется жареной рыбы. Вам хочется справедливости. Подгоняемый жаждой возмездия, вы требуете книгу жалоб, потом ищете завмага... Все тщетно. Возвращаетесь домой, лишний раз убедившись, что человек, выведенный из равновесия, успокаивается гораздо медленнее снятого с огня чайника.

А теперь давайте взвесим, правильно ли вы вели себя. Стоило ли из-за такого пустяка, как пара карпов, столь щедро расходовать нервную энергию? Заострим вопрос философски: стоит ли вообще давать отпор хаму? Может быть, есть смысл предложить вместо лозунга «Хамству — бой!» такие чуть-чуть более умеренные, как «Хамству — вежливость!» или «Хамству—терпимость!»? Возможно, хамы, встречая каждый раз благороднейшее к себе отношение, в конце концов устыдятся?

Ехала одна пожилая гражданка в электричке. Все бы хорошо, только возьми она и взгромозди свои ноги в сапогах на ту же скамью, где сидела. И тут один совсем посторонний гражданин, даже с другой скамьи, спокойно и вежливо предложил ей убрать ноги.

— Ах, ты рыло собачье! — в сердцах заявила она. И это было самое нежное из всего, что она ему сказала.

И поделом: нечего приставать к незнакомой женщине. Ведь лично его никто не трогал, никто не цеплялся, не лез в душу... Попутчики, встретившие этот инцидент гробовым молчанием, как бы подтвердили разумность такого довода.

Что-то не в духе был водитель московского автобуса № 32-29 ММА 98-го маршрута. Он то и дело так дергал машину, что пассажиры проявляли большую находчивость, чтобы не свалиться в одну общую кучу. И вот, надо же, нашелся и здесь доброхот, который пытался устыдить водителя проникновенными словами. Дескать, дети едут, старики...

Водитель, еще молодой, решительный мужчина с волевым лицом, показал, во что он ставит все эти рассуждения. Так дернул, что увещевавший лязгнул зубами и едва не перевернулся в воздухе. Кроме того, автобус защемил дверями ногу ни в чем не повинной женщине и протащил ее с пяток метров по асфальту.

И что же? А ничего. Автобус, конвульсивно дергаясь, двинулся дальше. И каждый из пассажиров, нервно уцепившись за поручни, тихо, про себя переживал случившееся.

В чудесный сентябрьский день гражданка Бодрякова стояла в очереди у ялтинского магазина «Осень». И когда продавец Зинаида Соколова положила на весы несколько гнилых помидоров, заявила протест. И даже попыталась снять их с весов. В ту же секунду эти помидоры, направленные снайперской рукой продавца, полетели ей прямо в лицо. Развивая атаку, Соколова сокрушающим ударом тяжелой хозяйственной сумки повергла гражданку Бодрякову наземь.

Так на глазах ошеломленной очереди обыкновенное хамство переросло в злостное хулиганство.

— Граждане, помогите!—застонала поверженная. Удар был настолько сильным, что у нее треснула кость руки.

А гражданам все происходящее казалось лишь забавной сценкой...

Впрочем, нельзя сказать, что эта история осталась без всяких последствий. Продавец З. Соколова немедленно уволилась по собственному желанию и скрылась в неизвестном направлении. Как видим, дирекция магазина проявила к отличившемуся работнику отменную чуткость.

В. А. Одрова и ее супруг, вернувшись из отпуска, тщетно пытались взять такси на привокзальной площади родного Нижнего Тагила. Свободные машины были, но... Вот подошла «Волга» с зеленым огоньком № 95-43 СВН. Приводим последовавший диалог:

— Сколько заплатите?

— По счетчику.

— Освободите машину...

— Мы будем жаловаться.

— Проваливайте, пока целы!

Стоявший поблизости респектабельный мужчина посочувствовал:

— Да стоит ли, право, конфликтовать? Я, к примеру, никогда не жалел о том, что молчал, но часто имел неприятности из-за того, что говорил...

В субботний день рабочая участка Окницкой шахты М. И. Зимовец пошла с двумя детьми в баню. Едва взялась за мочалку, как в женское отделение влетел банщик: «Где работаешь? На шахте? А ну, убирайся! Окницких не моем!»

Баня принадлежит Рыбницкому цементно-шиферному комбинату. «Вот и пусть окницкие ездят мыться к себе на шахту. Наш долг — заботиться о своих»,— рассудил предзавкома комбината И. П. Гончар и дал соответствующее указание банщику. А в поселке живет всего-то три шахтерских семьи...

О банном происшествии узнали на комбинате, но даже плечами не пожали, словно бы так и надо было.

Хамство начинается там, где кончается уважение к человеку. И не к какому-то там абстрактному человеку, а к товарищу по работе, к соседу, продавца к покупателю, покупателя к продавцу, наконец, просто к тому, кто стоит рядом в бегущем автобусе.

...Женщина растерянно металась по улице от одного телефона-автомата к другому. Сломан! И этот сломан! И этот! Нужна «Скорая» к больному. В четвертой будке — нога за ногу, плечом подпирая стенку,— стоял долгогривый красавец с сигареткой.

Открыла дверь. «Молодой человек, ради бога, больной...» Отмахнулся, как от мухи, потянул к себе дверь: "Не мешай, хозяйка..." Попросила еще: «Голубчик... умоляю...» Вынул сигарету, прямо посмотрел ей в глаза, сказал насмешливо-ласково: «Ничего, потерпишь. Мне еще на полкопейки договорить осталось...»

Когда, наконец, он вышел — пальто нараспашку, кривя улыбочкой рот,— у нее вырвалось:

— Ну, как вам не стыдно?! Ведь я же просила...

Снисходительно прищурился:

— Не волнуйся, мамаша. Дольше проживешь...

— Но это же хамство...

— За хамство не судят,— удаляясь, победно бросил он через плечо.

Действительно, не судят. Осуждают. Но как-то робко, вполголоса, в четверть силы.

Вам, наверное, приходилось наблюдать, как четверо-пятеро дюжих молодцов-дружинников ведут в милицию замухрышку-хулигана. А хама никуда не ведут. Он, как правило, не вступает в конфликт с Уголовным кодексом. Разве что слегка пожурят на профсоюзном собрании или в стенной газете.

А не ведут хама под локотки именно потому, что слишком часто с ним приходится воевать один на один, без помощи и солидарности окружающих — тебя, меня, всех нас.

Что же касается поучительных заметок и статей о правилах хорошего тона, то печатать их, разумеется, надо и впредь. Тем более, что против этого даже хамы не возражают...

— Вот он, ребята, настоящий тройной прыжок!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Звонили, что приезжает важная птица. Вот и встречаю.

Рисунок
Б. СТАРЧИКОВА

«ДОН-ЖУАН В ТАЛЛИНЕ»

Как, знаменитый сердцеед и бретер, судя по новому фильму, побывал и в Таллине? Впрочем, он ли это? Внимательный кинозритель сразу же угадает в облике Дон-Жуана переодетую девушку. Но зачем надо было затевать эту комедию с переодеванием режиссеру А. Круусементу и сценаристу С. Алешину?

Так или иначе, Дон-Жуан и его верный слуга Флорестино оказываются в древнем Таллине. В старинной корчме встречаются они с другом отца героя доном Оттавио и с самим Командором.

Что привело их в Таллин? Утомленный похождениями и приключениями, Дон-Жуан ищет тихий, уютный уголок, где можно было бы спокойно жить и где твое нашумевшее имя не вызывает повышенного интереса у прелестниц. Но, увы, и тут нет покоя! Загипнотизированные его именем, женщины назойливо ищут внимания Дон-Жуана...

Но почему же все-таки в образе Дон-Жуана выступает женщина? Пожалуй, на этот вопрос вам лучше ответит сама кинокомедия, выпущенная студией «Таллинфильм».

«ПОТЕХЕ ЧАС»

Хотите познакомиться сразу со многими известными советскими поэтами? Если хотите, купите только что вышедший в издательстве «Советский писатель» сборник «Потехе час».

Вот, скажем, Владимир Солоухин:

Люблю растенья: пестики,
тычинки,
Пыльцу люблю, люблю стволы
и ветви;
Еще люблю животных
травоядных,
А тех, кто любит мясо,
не люблю...

А это Ярослав Смеляков:

...Мы садились за стол, черны,
И движением рук усталым
В рот пропихивали блины,
Что припахивали металлом...

А вот поэт, который говорит сам о себе:

...Я — воз не сенский,
не сена воз,—
Я — Вознесенский,
возник из звезд!

Всех этих и других поэтов представил в сборнике своих пародий сатирик Владимир Лифшиц.

ОСЕННИЕ ЗАПЛЫВЫ

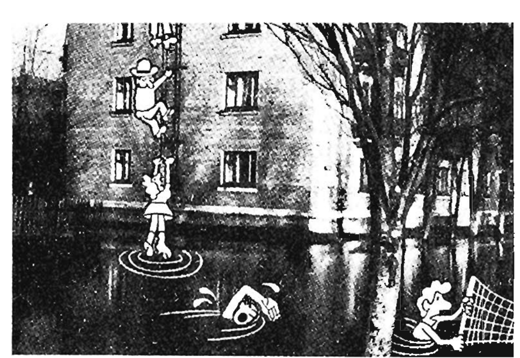
Отзвенело жаркое, сухое лето, пришла пора дождей... Ежедневно Крокодил получает десятки писем о том, с какими показателями встречают «унылую пору, очей очарованье» работники жэков, управлений городского благоустройства и иных учреждений, призванных содержать улицы и дворы в образцовом порядке.

Отрадно, что некоторые ответственные за это дело товарищи по-настоящему позаботились о здоровом быте граждан.

Так, например, жители домов 8 и 9 по Сельмашевскому проезду в г. Гомеле, как один, занимаются теперь водным спортом. В частности, плаванием в аквалангах. Уходя на работу, они надевают ласты и прихватывают с собой ружье для подводной охоты. Отправляются в плавание прямо из окон или с балконов собственной квартиры.

Примеру гомельчан последовали жители дома 128, что на улице Карла Маркса в городе Гуково, Ростовской области. Только здесь, учитывая высокую этажность, народ спускается в воду по пожарной лестнице.

Однако же самый удачный осенне-водный вариант, на наш взгляд, придумали в городе Сызрани. Там, в самом центре, неподалеку от горисполкома, была организована гигантская лужа. Как это ни покажется странным, после каждого дождя резко возрастает работоспособность сызранichан, путь которых пролегает через центральную часть города.

По мнению авторитетных специалистов, переход через это водное препятствие намного эффективней утренней гимнастики по радио.

— И чего он боится? Мы не курящие, костров не разводим...

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

Рассказ моего племянника Аркадия

Всю свою жизнь (а ему уже шестнадцать) мой приятель Антон Клюквин стремился быть непохожим на других. Быть как никто. Хотел все время выходить из ряда вон. Хотел, чтобы все на него пялили глаза.

Моя тетка говорит, что Антон так и родился с синдромом исключительности. Это у него как бородавка. Ладно. Пускай бородавка. Но ведь их теперь свободно выводят в институтах красоты. Почему бы не вывести и Антошкин синдром? Тем более что от него одни неприятности. И не только окружающим, но и самому Антошке.

Однажды он повесил на шею два транзистора: один на спину, другой на живот,— настроил их на разные волны, причем во всю мощь, и отправился гулять по микрорайону. За это инвалид дядя Женя подшиб его костылем.

— Глупостями занимаешься,— усовещивал я его,— вот и получил синячище имени Склифосовского. Правильно тебя подшиб дядя Женя.

— Бог с ним,— отвечает Антон,— зато какая толпа собралась!.. Нет, Аркашка! В наше время обратить на себя внимание — это не просто!

Его мозги неустанно крутились в поисках разных идиотских новаций. Он нашел для себя «золотую жилу» в дореволюционных журналах, которых у старухи соседки было великое множество. Однажды в «Синем журнале» (был такой) он наткнулся на фотографию артистки кабаре Изы Изабо. У нее на ноге был браслет с яшмой, а на шее — живой уж. Какой-то кретин с восторгом писал, что ужа она носит в жаркую погоду для прохлады.

На другой день Антон вышел на улицу в шортах. На левой ноге — ручные часы.

Надо сказать, внимание он на себя обратил. Но очень дорогой ценой. Каждый встречный-поперечный считал своим долгом спросить его:

— Который час, молодой человек?

И надо было отвечать, иначе вся идея шла насмарку. Антону приходилось то и дело нагибаться к своей левой ноге. Когда ему надоело, он попробовал задрать ногу к носу, но получилось совсем ерундово: он шлепнулся на асфальт и ушибся.

Дома, когда я массировал ему нижнюю часть спины, он задумчиво сказал:

— Часы на ноге — это анахронизм.

— Конечно,— поддержал я,— привяжи к ноге аквариум... А вообще я слышал, что такие фортели выбрасывают неполноценные люди, если они чем-нибудь недовольны. В знак протеста.

Антон подумал и заявил:

— И я в знак протеста.

— Вот так номер! А тебе с чего протестовать? Чего тебе-то не хватает? Тоже протестант объявился!

— Мало ли. Если хорошо поискать, найдется. Билетов в «Современник» не достать. В продаже нету джинсов с колокольчиками. А тут еще «Спартак» свинью подложил: кубок прошлепал... Нет, у меня очень даже много поводов для протеста.

И глаза у него сделались какие-то кисельные. Я с досады хотел уже идти домой, но он завопил:

— Ай, погоди, не уходи! Посмотри еще один журнальчик!

— Небось, конца прошлого века?— спросил я.

— Этого месяца,— ехидно ухмыльнулся Антошка.— Самый свежий. Я его нашел в урне возле гостиницы «Националь».

В этом журнале его поразила дева с огромными, как желуди, зубами и ногами, похожими на кочерги. Возле девы стоял павлин, который растаращил свой хвост на всю страницу.

— Заметка называется «Самая оригинальная женщина года»,— пояснил Антон.— Стенографистка Лиз Смит в знак протеста против классической музыки купила в рассрочку павлина и выучила его кричать «Долой Баха и Бетховена!». И полиция ничего не может сделать. Ведь кричит не Лиз, а павлин. А он за свои поступки не отвечает.

— Вот и прекрасно. Купи и ты павлина и выучи его чему угодно. Ну хотя бы петь псалмы. Вот толпа соберется!

— А где мне взять такую птицу,— надувшись, забормотал Антон,— чтоб распустивши пышно хвост?..

— Павлина можешь заменить индюком,— посоветовал я,— кстати, будет и дешевле.

...Через три дня раздался телефонный звонок.

— Приходи. Нашел.— И Антон повесил трубку.

Он сидел в дворовом скверике и притворялся, будто читает книгу на испанском языке. Левая лодыжка у него была забинтована. В самом дальнем углу скверика, привязанные за ногу к кусту сирени, гуляли индюк и индюшка, серые, с крапинками. Вокруг них стояла ватага ребятишек. Они кормили птиц печеньем, а те кричали на разные голоса.

— Цюк-цюк-цюк,— жалобно говорила индюшка.

— Блы-блы-блы!— солидно отвечал индюк.

— Твои? — спросил я.

— Мои,— застенчиво кивнул Антон.

— А почему так далеко привязал? Еще украдут.

Он с тоской поглядел на забинтованную ногу.

— Кто их украдет! Клювы у них, как ятаганы.

— Цюк-цюк-цюк! — обиделась индюшка.

— Блы-блы! — утешал ее индюк.— Блы!

— А ну, старичок, пошли домой! — скомандовал я Антону.— Там поговорим. И этих своих приемышей забери.

Антон встал, отвязал птиц, засунул их в мешок, и мы пошли к нему домой.

Свалив мешок, не развязывая, на балкон, Антон рассказал историю своего приобретения. Индюков он добыл в деревне Барановка у одного сектанта. Сектант, однако, не хотел продать индюка одного, он продавал только с индюшкой. Кивая носом, сектант сентиментально талдычил, что супругов разлучать нельзя, это противно природе (кстати, цену он тоже назначил противную природе). Когда ударили по рукам, сектант уже безвозмездно сообщил Антону, что кормить индюков следует пшенной и кукурузной кашей. Можно гурьевской. Еще они уважают крутые рубленые яйца. Воды не давать, а поить сывороткой или кефиром.

Это были цветочки. Потом пошли и ягодки. Сначала Антона оштрафовали в поезде за антисанитарию. Потом — дважды — на улице. Затем начались утренние визиты соседей, ни свет ни заря взбулгаченных цюканьем и блыканьем.

— Мученик ты, старикан! — сочувственно сказал я.— И какая выдержка! Я бы их уже давно...

— Я тоже хотел,— признался Антон.— Но в нашем Чертопханове никто не умеет резать индюков. Хотел уморить голодом, так они такой гвалт подняли!.. Отравить их, что ли? Или повесить?

Мне стало его жалко. Товарищ все-таки. Хоть и дурень.

— Есть выход, старикашка! — бодро воскликнул я.— У нас под Серпуховом живет знакомая тетка. Пеламидина по фамилии.

Глаза Антона загорелись надеждой.

На другой день мы уже сидели у тетки Пеламидиной и ели вишни. Тетка с явно притворным неудовольствием согласилась принять Антошкиных питомцев.

— Уж такой у меня клятый характер,— сокрушалась она,— нипочем не могу добрым людям отказать.

В пятницу Антон явился ко мне неузнаваемый. Чистенький, наглаженный, пахнущий одеколоном «Джамбул».

— Старикашка!— воскликнул я.— Ты слышал новость? За границей появилось новое течение: ловят рыбу в реке прямо зубами. Как ты, одобряешь? Тогда начинай, пока не поздно. А то и у нас разведутся эти рыбоядцы, и тебя на их фоне никто не заметит..

— Ладно тебе,— сказал Антон.— Давай лучше завтра на рыбалку.

...Я не знаю почему, но с тех пор синдром исключительности у него исчез начисто. Будто и не бывало. Вот только при упоминании об индюках он до сих пор вздрагивает. Но, думаю, и это пройдет.

Между прочим, индюшачье мясо стоит дороже всякого другого. А тетка Пеламидина — дама практичная.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Сержио ЖОКИМАН
(Бразилия)

Этот послушный Джимми

— Гарри?
— Да.
— Гарри, тут у нас ваш сын Джимми.

Гарри взглянул на часы.

— Сейчас два часа ночи. Честно говоря, я просто не знаю, что делает Джимми у вас в такое время. Но вы уж не откажите в любезности уложить его в постель. Завтра я заеду к вам и заберу малыша.

— Гарри, я не хотел беспокоить вас, но мне кажется, что вам следует приехать за ним сейчас же.

— Сейчас два часа ночи, Билли!

— Гарри, Джимми у меня с автоматом. Понимаете? С автоматом.

— Я не понимаю, Билли, чему вы удивляетесь? Если мальчик пришел к вам с автоматом, значит, он вышел с ним из дома. Или, вы думаете, Джимми из тех мальчиков, что любят присваивать чужие вещи?

— Гарри, я думаю, вам следует приехать за Джимми сейчас же. И я прошу вас об этом как член церковного совета Северного района.

— Билли, старина, вы очень хорошо знаете, как серьезно я отношусь к совету. Но я, право же, не вижу оснований для такого шума только из-за того, что Джимми появился у вас с автоматом.

— Понимаете, Гарри, тут есть одна маленькая деталь: автомат направлен на меня. Вы слышите меня, Гарри?

— Да, да, слышу. Не знаю, сколько раз я уже говорил этому мальчишке, чтобы он не целился из автомата в членов нашего церковного совета. Но вы должны понять мое положение, старина. Не могу же я кричать на малыша, правильно? Это было бы подавлением его личности.

— Гарри, послушайте: Джимми целится в меня из автомата и приказывает, чтобы я поднял руки.

— Возможно, возможно, старина, но уверяю, он делает это не из дурных побуждений. Вы же знаете, что такое дети.

— Гарри, проснулся мой ребенок и смотрит на меня. Если он увидит, что я поднимаю руки перед семилетним мальчиком, он потеряет уважение к собственному отцу...

Телефонная трубка замолчала на мгновение, и тут же сухо застрекотала короткая автоматная очередь. Потом вторая. Потом — мгновение тишины, и, наконец, Джимми взял трубку.

— Привет, папа.

— Джимми, сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не стрелял в членов нашего церковного совета!

— Но, папа, мама сказала...

— Я не хочу знать, что сказала тебе мама! Она унитарианка, а совет епископальный. Понял? И запомни: если ты еще раз сделаешь что-нибудь подобное, я отниму у тебя автомат, ясно?

— Да, папа.

— А сейчас возвращайся домой, выпей стакан горячего молока и ложись спать...

Атанас ДИМИТРОВ
(Болгария)

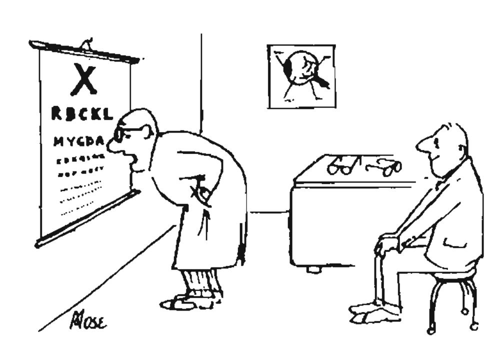
СЛОВА, СЛОВА...

Рай не для семейных. Это доказали еще Адам и Ева.

Болеют ли насморком те, у кого ветер в голове?

Был исключительно гуманен — никогда не мучил свою совесть.

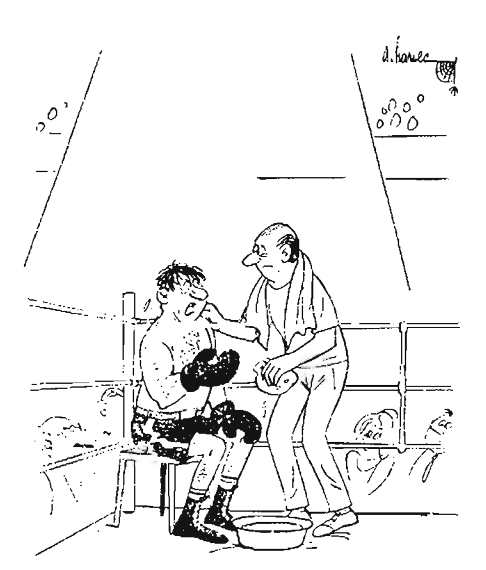
Он замкнулся в себе и чуть не умер со скуки.

— Вы правы, это действительно «А».
«Квик», ФРГ

— Сразу можно определить, кто из них женат!
«Крисчен сайенс монитор», США

— С ним невозможно вести ближний бой: он наелся чесноку!
«Прогре-спринт», Франция

— Ты знаешь, Вальборт, с тех пор, как наша дочь стала играть на арфе, мне уже не хочется попасть после смерти в рай.
«Виллед-бладет», Дания.

— Ваш муж переживает тяжелую душевную депрессию. Он нуждается в покое, абсолютном спокойствии.

— Я ему все время то же самое говорю, доктор, но он меня не слушает.

— Прекрасное начало, сударыня. Прекрасное начало!

●

Лейтенант проверяет, как молодые солдаты усвоили тему прошлого занятия.

— Что бы вы предприняли в военное время, чтобы наши железные дороги не достались противнику?

— Я бы сжег все железнодорожные билеты...

●

Тяжба между двумя американскими нефтяными компаниями в Техасе за право владения спорным участком была перенесена в суд. Перед началом судебного разбирательства председательствующий сделал следующее заявление:

— Члены суда получили от «Баксос-ойл компани» чек на сумму 100 тысяч долларов, а от «Наксос-ойл компани» — на 150 тысяч. Я могу сообщить, что компании «Наксос-ойл» будет возвращена разница в 50 тысяч долларов, после чего суд решит дело по справедливости.

●

Начальник секретарше:

— Когда вы позвонили моей жене и сказали, что я останусь допоздна на работе, как она отреагировала?

Секретарша:

— Она спросила: «Могу ли я твердо на это рассчитывать?»

●

За стойкой бара сидит молодой человек с ужасно расстроенным лицом.

— Чем вы так огорчены? — спрашивает бармен.

— На позапрошлой неделе умер мой дядюшка и завещал мне 85 тысяч крон.

— Ну, это не так уж плохо!

— А на прошлой неделе умерла моя старая тетушка и завещала мне 150 тысяч крон.

— Тогда я не понимаю, чем же вы так расстроены?

— Как это чем? Ведь на этой-то неделе я не получил в наследство гроша ломаного...

●

Студент-медик:

— Нет ли у вас новейшего руководства по анатомии?

Библиотекарь:

— Уж не думаете ли вы, что за последние годы в скелете человека появились новые кости?

●

— В результате недавно проведенного социологического исследования установлено, что пятьдесят процентов из числа лиц, состоящих в браке,— мужчины.

●

Джонсон привлек к суду Грандисона за оскорбление. Судья обращается к Грандисону:

— Вы назвали свою собаку «Джонсон» и постоянно ей кричали: «Эй, Джонсон, эй, негодяй!» Этим вы явно хотели оскорбить своего соседа.

— Ничего подобного,— возражает Грандисон.— Я хотел оскорбить собаку.

Наш друг, известный французский художник Жан Эффель недавно закончил новую книгу из серии «Сотворение мира». Мы предлагаем читателю несколько рисунков из нее.

— Есть хочется...
— Потерпи, со временем я пошлю тебе кусочек сыра.

Открытие реки.

— Внимание, начинаем последнюю репетицию.

Спуск на воду.

Триумфальная арка.

№ 32 (2042)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, Г. Андрианов, А. Баженов, В. Биллевич (г. Ленинград), М. Битный, В. Владов, А. Грунин, Ф. Куриц, А. Семенов, В. Тамаев, В. Тильман, В. Шкарбан.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30/X 1972 г. А 01013. Подписано к печати 10/XI 1972 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. Правды, 24.
Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Тираж 5 000 000 (5 завод 4 205 301—5 000 000) заказ № 1485

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ЗНАКОМЫЙ СИЛУЭТ

Рисунок А. КРЫЛОВА